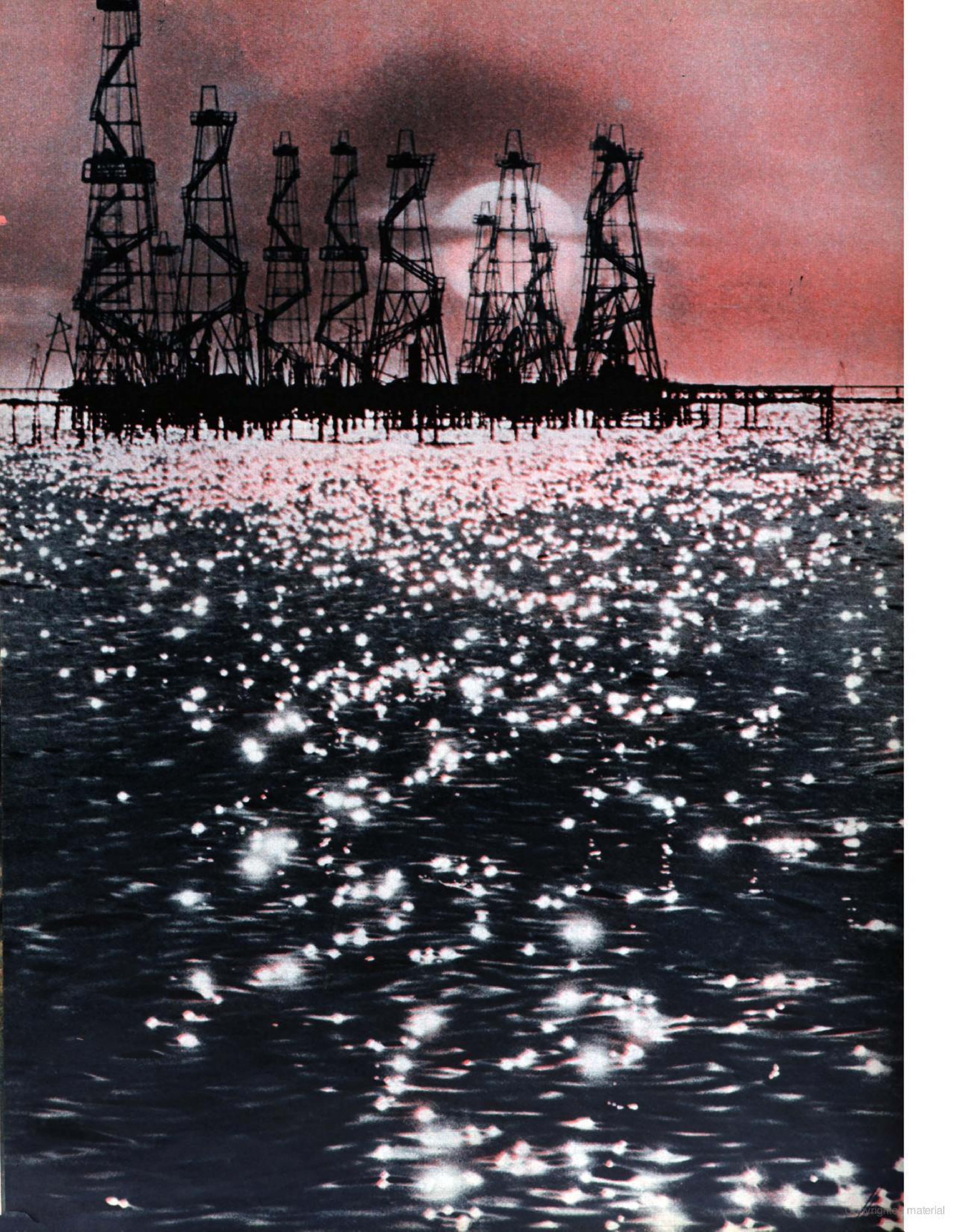

ОГОНЁК

№ 23 МАЙ 1964

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЦВЕТИ, РОДНОЙ АЗЕРБАЙДЖАН!

24 мая в Каире глава Советского правительства Н. С. Хрущев и Президент Гамаль Абдель Насер подписали Совместное заявление, в котором подведен итог исторического визита в Объединенную Арабскую Республику.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 23 (1928)

31 МАЯ 1964

◀ Азербайджан. Вышки уходят в море...
Фото Л. Бородулина.

ВО ИМЯ МИРА И ДРУЖБЫ

Тепло и сердечно встретила Москва возвратившегося из ОАР Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева. На Внуковский аэродром прибыли руководители КПСС, государственные деятели, главы дипломатических представительств, трудящиеся столицы.

Фото А. Устинова и Д. Бальтерманца.

Миллион рук, миллион улыбок, буря оваций... Весь Египет встречал дорогого гостя из дружественного

Борис ИВАНОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

ЭХО САД

Когда последний кубометр гранита был сброшен в проран и восемь красно-желтых бульдозеров стали ровнять поверхность плотины, десятки тысяч людей, только что кричавших, аплодировавших этому историческому событию, вдруг притихли. И это, пожалуй, было самым выразительным моментом торжественного утра. Люди как бы замерли в почетном карауле, прощаясь со старым Нилом, который, ударяясь грудью о возведенную на его извечном пути преграду, медленно сворачивал на другую, уготованную человеком дорогу. Молчание продолжалось мгновение. Затем взрыв восторга с еще большей силой прокатился окрест. Люди уже приветствовали новый Нил, прославляли свой труд, встречали жизнь на пустынных берегах реки.

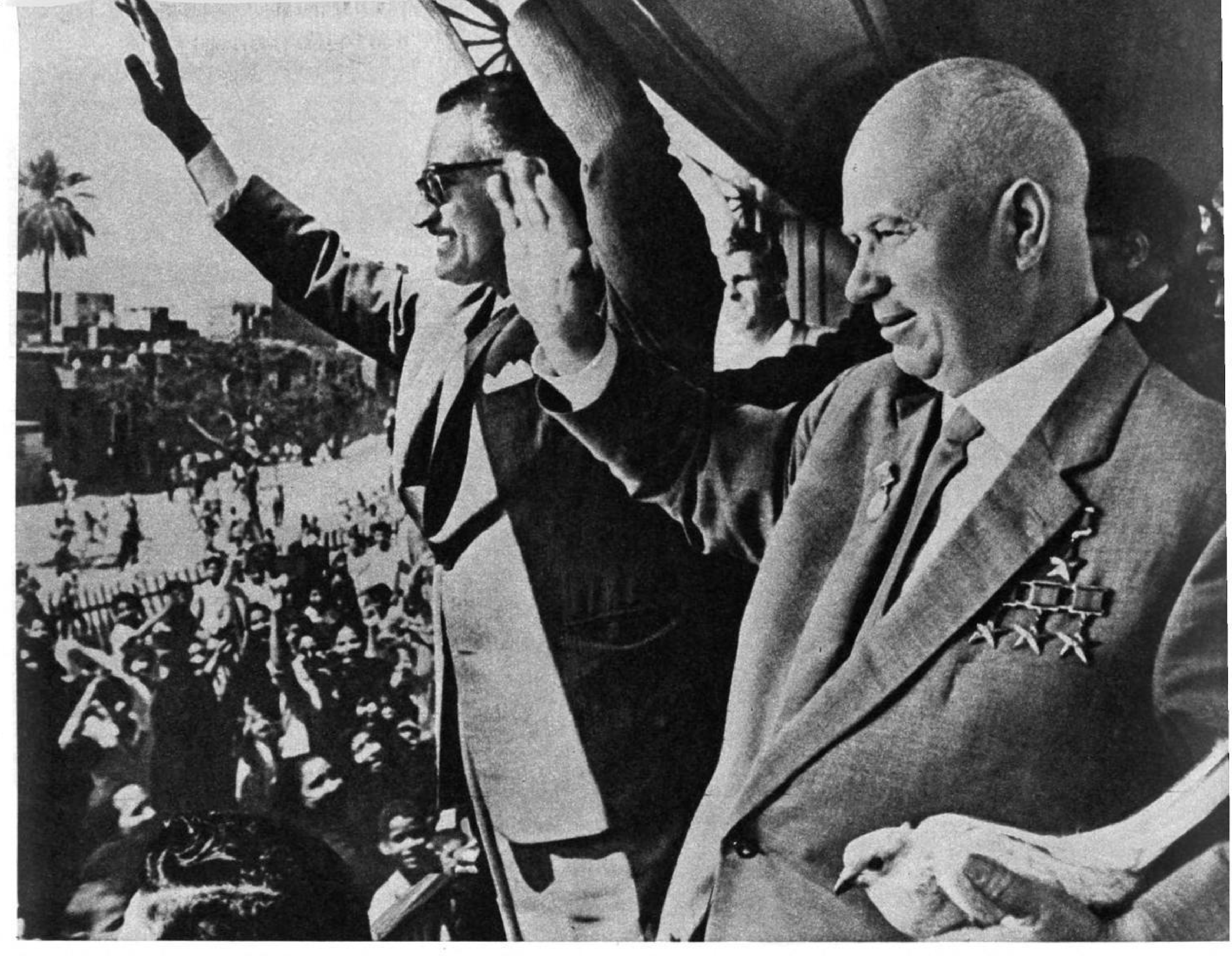
Толпа смешалась. Серебристая пыль изморозью покрыла нажаренные солнцем красные лица, рубашки, галабеи. В многоязычном хоре возбужденных голосов (а на празднике присутствовали не только главные виновники торжества — строители арабы и русские, но и американцы, французы, немцы) я услышал фразу:

— Здорово! Сразу всего не охватишь...

К маленькому автобусу, лавируя между машинами, пробирался Сергей Залыгин. Он приехал в Асуан с группой советских писателей, чтобы запечатлеть талантливым пером «первое чудо современной Африки», как говорили журналисты, приехавшие в Египет. Это говорили не только журналисты-друзья, но и те, кто лишь вчера в лучшем случае ничего не писал о высотной Асуанской плотине.

— Этот день не забудешь,— сказал Залыгин,— и чем дальше, тем ярче он будет вставать в памяти.

А Сергей Залыгин — сибиряк. Он знает, что такое перекрытие куда более могучих рек. Так почему тогда событие, разыгравшееся близ Асуана, глубоко взволновало и нас, видавших виды советских людей? Необычность об-

Советского Союза Никиту Сергеевича Хрущева.

Фото автора, А. УСТИНОВА, ТАСС, А. ГОРЯЧЕВА

Д АЛЬ-ААЛИ

становки? Нет, дело, конечно, не в этом. И не только в одном факте строительства высотной плотины. Все, что произошло в Египте за шестнадцать дней мая 1964 года, будет иметь далеко идущие последствия. Чтобы оценить все значение этого события, потребуется время для размышлений, сопоставлений, обобщений. Прошлое, рассматриваемое сквозь призму времени, всегда вырастает в наших глазах. Но и сейчас, идя по горячим следам событий, можно сказать, пользуясь словами президента Гамаль Абдель Насера, обращенными к Никите Сергеевичу Хрущеву:

«Влияние таких событий проявляется в положительных результатах, которые, в свою очередь, становятся движущей силой грядущих событий и важным фактором, определяющим будущее».

Фактор, определяющий будущее! Вот в чем суть.

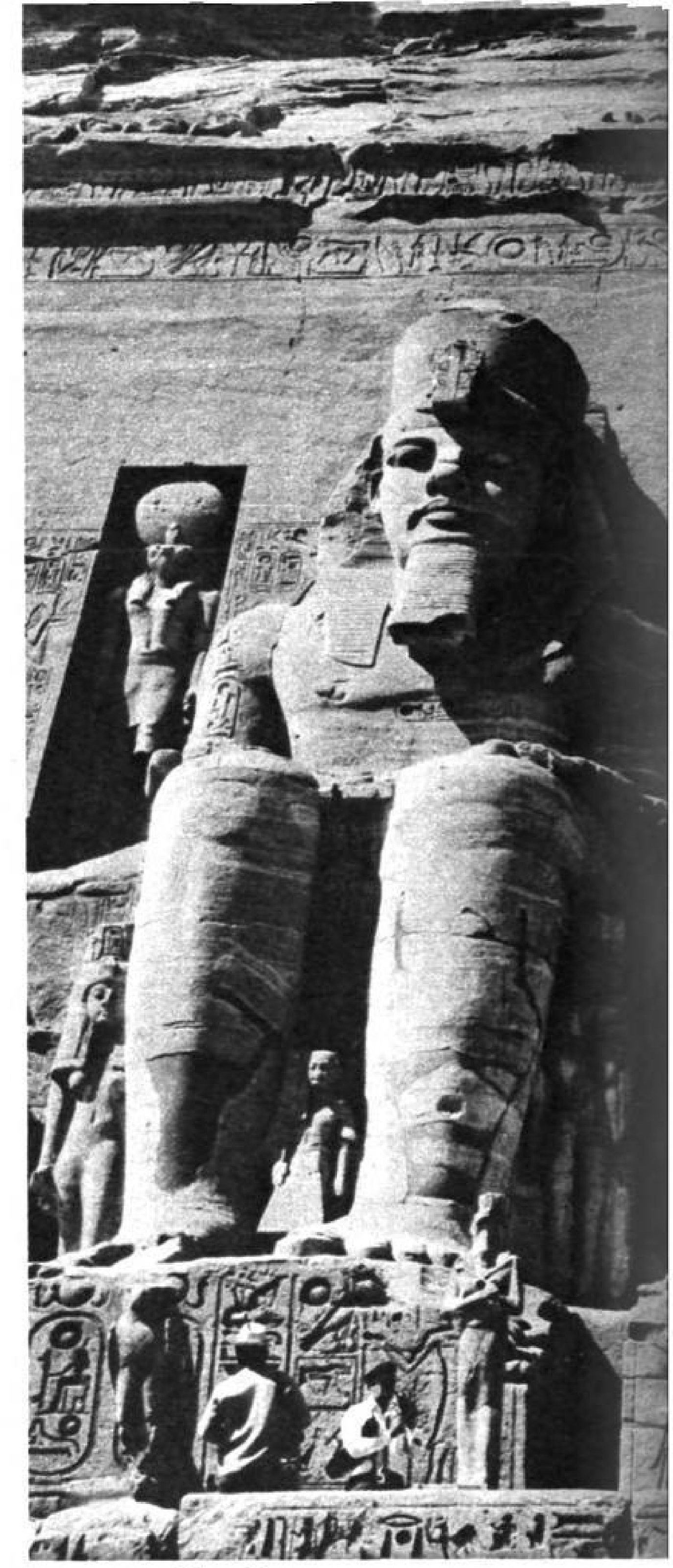
За время своего шестнадцатидневного визита «неутомимый премьер Хрущев», как выражались некоторые газеты, проехал тысячи километров от Александрии и Порт-Саида, через Каир и Луксор в Асуан, что неподалеку от суданской границы. А этот путь и есть весь населенный Египет, разместившийся узкой полоской по берегам Нила. И вдоль всего пути миллионы египтян встречали Никиту Сергеевича. Значит — все население страны. О грандиозности и теплоте встречи уже много писала мировая пресса. Но хочется еще раз обратиться к цитатам:

«За двенадцать лет со времени революции в Египте побывало много зарубежных руководителей, — сообщал корреспондент японской газеты «Иомиури»,— но никому еще арабский народ не оказывал такой горячей встречи». А западногерманская «Франкфуртер рундшау» отмечала: «Воодушевление населения находилось в самом ярком противоречии с холодным приемом, который был оказан китайскому премьеру Чжоу Энь-лаю во время его пребывания в Египте в декабре прошлого года».

Я снова возвращаюсь к тому, как встречали на арабской земле Н. С. Хрущева, чтобы обратиться

Здание ГЭС в канун пропуска нильской воды по новому руслу.

Вход в храм Абусимбел.

к высказываниям представителей самых различных слоев населения страны о визите высокого гостя. А они, эти высказывания, сводились в общем к следующему: в лице главы Советского правительства египтяне приветствовали весь советский народ. Они выходили на дороги, собирались на станционных платформах, на улицах городов, чтобы приветствовать свое будущее, которое несет дружба с великой страной социализма.

История свидетельствует, что для многих завоевателей, начиная с Александра Македонского, путь в Африку лежал через Египет. Это отлично понимал и Наполеон, когда он на пороге XIX века, войдя со своей армией в Каир, воскликнул: «Солдаты! Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!» Это было не просто обращение победившего полководца к своим солдатам. Это был вызов, клич — вперед и вперед в глубины континента. Ворота открыты. Прекрасно понимали значение Северной Африки для завоевания всего материка и английские колонизаторы.

Другие цели, другие слова были начертаны на красных знаменах, украшавших города ОАР в дни пребывания там советской правительственной делегации: мир и бескорыстная помощь во имя счастья и процветания всех трудящихся, на каком бы языке они ни говорили, какой бы цвет кожи у них ни был. Это неоднократно подчеркивал в своих многочисленных выступлениях в ОАР Н. С. Хрущев, речи которого печатали все газеты, с обширными комментариями.

«Мы были бы плохими коммунистами,— сказал Н. С. Хрущев, беседуя в Асуане с советскими специалистами,— если бы думали только о себе».

Но вот этого-то и не могут понять империалисты. Такого рода «завоевательская политика» никак не может уложиться в их головах. «Не верим, что русские в самом деле могут быть заинтересованы в том, чтобы народы твердо стали на ноги, обрели подлинную свободу и независимость»,— раздаются голоса в Вашингтоне и Лондоне, Париже и Бонне. Правильно говорится в русской поговорке: «Черного кобеля не отмоешь добела».

Ну и пусть не верят, не понимают. Старая собака лает — свежий ветер истории относит. Важно то, что эти цели понял, воочию увидел, какими средствами они осуществляются, сам хозяин — народ Египта. Эхо от взрыва асуанской перемычки, от рокота Нила, устремившегося в новое русло, прокатилось по всей Африке, отозвалось в сердце каждого простого человека, вселяя надежду.

И в ответ — открытые души, благодарность искренняя, неподкупная. В этой связи вспоминается эпизод, казавшийся в момент наивысшего торжества не таким уж важным, мимо которого можно было бы и пройти. Но при некотором отдалении он приобретает смысл немалый, звучит в другом регистре.

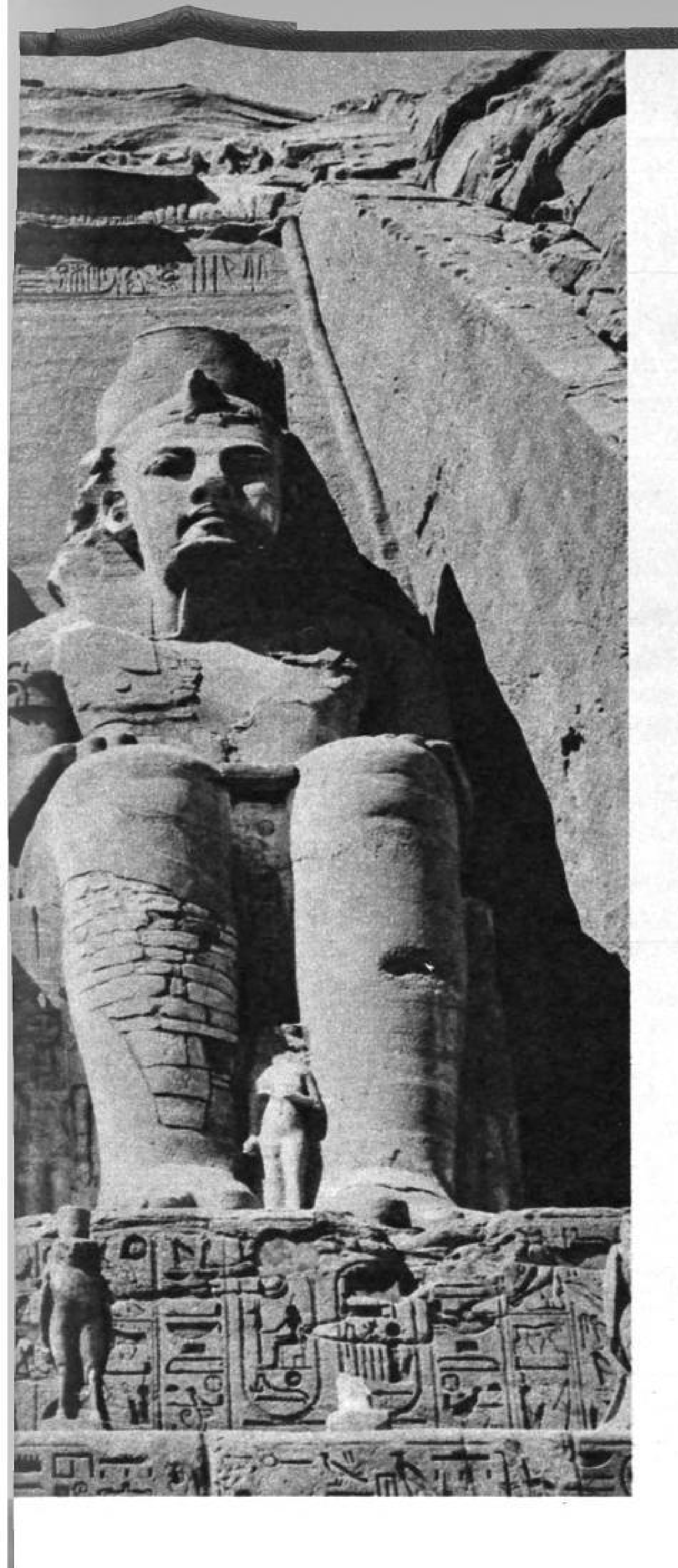
Ликование шло всюду. На дороге, у верхового канала, я увидел что-то вроде нашего хоровода. Вокруг явно русского парня, стоявшего в растерянности и смущении, танцевали, распевая, арабские рабочие. Они то ударяли в ладоши, то размахивали палками, воинственно наступая друг на друга.

— Кого это загнали в круг? — спросил я у бывшего рядом со мной экскаваторщика Павла Браткова.

— Диму-Счастливчика чествуют.

И Павел Братков поведал мне такую историю.

Механик Дмитрий Рубец работал с несколькими арабами на верхней площадке водоприемника. Рядом стоял башенный кран.

Здание ГЭС на следующий день. Только флажки обозначили его контуры.

Время от времени он передвигался от одной стороны водоприемника к другой. Наступила минута передвижки, и Дмитрий Рубец, уступая дорогу крану, рухнул в канал глубиной свыше 60 метров. Было бы это последним мгновением в жизни Дмитрия Рубца, если бы из стенки канала не торчала металлическая штанга. Падая вниз, Дмитрий каким-то образом сумел зацепиться за нее и повис над пропастью. Затем, подтянувшись, он перебрался по штанге к маленькому гранитному уступу, встал на него ногами, упираясь спиной в стенку канала. Огляделся вокруг, вытащил сигареты и закурил, как ни в чем не бывало. Конечно, ему сразу с того же самого крана опустили канат и вытащили невредимого наверх. С тех пор Дмитрия Рубца и прозвали Дима-Счастливчик.

— Так за какие же заслуги его так чествуют?

— Это особый разговор. Среди окруживших Диму рабочих немало его бывших учеников. Рубец стал для них героем, самым отважным человеком. В чужой стране работает как на себя. Вот и благодарят его за мужество, доброту и науку.

Форма благодарности несколько своеобразна. Может даже показаться кое-кому и наивной. Зато открыто, без утайки чувств, со всей полнотой темперамента.

Маленькие букетики цветов по праздникам, коллективные посещения прихворнувшего советского друга, многолюдные проводы на родину в отпуск — все это знаки уважения и признательности. Ни один чужестранец не пользовался в Египте таким уважением от чистого сердца, как советские специалисты, ибо пришли они в долину Нила не взять, а дать, и не только построить, но и научить, как строить самим, как использовать до конца машину, агрегат, завод.

— Вместе с высотной Асуанской плотиной создавался и рос коллектив арабских строителей,— говорил мне член парламента Магди Хасанейн,— коллектив этот теперь — наше большое национальное богатство. Он внесет свой ощутимый вклад в дальнейшее экономическое развитие ОАР, в силах оказать помощь другим африканским странам.

Таков еще один итог, который не выразишь в цифрах, гектарах и кубометрах, но потенциальный эффект которого трудно переоценить.

Естественно, даже с полным завершением строительства высотной Асуанской плотины еще не будут решены все проблемы Египта. Нет, предстоит много важных дел. Это отмечал в своих выступлениях и сам президент Насер. И самое, пожалуй, трудное из них — борьба с вековой отсталостью крестьянина-единоличника, ограниченностью его сегодняшнего кругозора. Но нет сомнения: возникновение новых обширных поливных земель значительно двинет вперед систему социалистического земледелия, что является одной из целей арабской революции.

И здесь Советский Союз выступает как верный товарищ и друг. Это особенно ярко видно из Совместного заявления о переговорах между Н. С. Хрущевым и Г. А. Насером. Кроме предоставления правительству ОАР дополнительного долгосрочного кредита в сумме 252 миллионов рублей, Советский Союз передаст в качестве дара сельскохозяйственные машины и другую технику для создания крупного механизированного хозяйства на площади 4 тысячи гектаров поливных земель под хлопок и другие культуры.

С этой целью в ОАР будет поставлено: пахотных тракторов — 50, пропашных тракторов — 130,

Вода пошла. Момент затопления верхового канала.

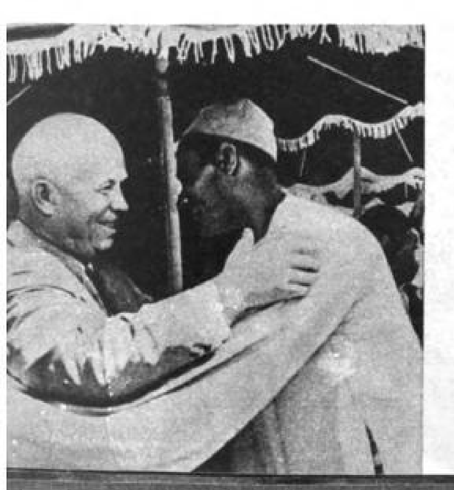
прочих тракторов — 50, плугов — 50, планировщиков — 6, дисковых борон с удобрителями — 12, сеялок четырехрядных — 100, ротационных мотыг — 30, культиваторов-удобрителей — 75, хлопкоуборочных машин — 100, прицепов для бестарной перевозки — 150 и грузовых автомобилей — 40. Будут также поставлены машины для проведения работ по устройству оросительной сети на указанной площади: экскаваторов — 5, бульдозеров — 15, скреперов — 20 и грузовых автомобилей — 150.

Целый арсенал сельскохозяйственной техники. Комментарии к этим цифрам вряд ли нужны. Цифры сами за себя говорят убедительно и ясно.

«...Такое крупное механизированное хозяйство,— отмечается в Совместном заявлении,— послужит примером, показывающим эффективные методы освоения и использования новых орошаемых земель с применением современных достижений науки и техники».

Там, где трудятся рука об руку советские специалисты и рабочие со своими египетскими коллегами, такие русские слова в устах арабов, как «хорошо», «добро», «друг», «товарищ», стали обычными. Арабы на этих стройках не только заучили несколько слов, но уже могут объясняться по-русски. Не отстают от них и посланцы Советской страны. Но вот когда слышишь по-русски «добро», «товарищ» от феллаха далекой деревушки или жителя маленького городка, расположенного в стороне от промышленных центров, проникаешься уважением к той силе воздействия, которую несет мирная политика моей великой Родины.

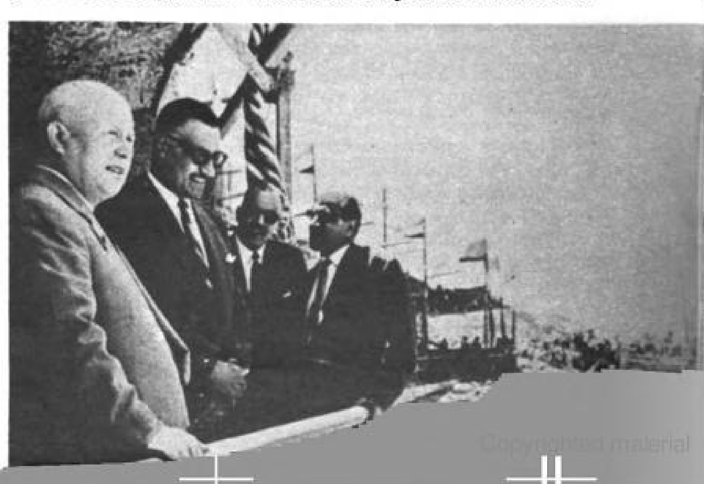
«Товарищ», «Товарищество», «Братство» — именно этим харак-

Каждый строитель бросил свой камень в проран.

Н. С. Хрущев и президент Гамаль А. Насер осматривают сооружения высотной Асуанской плотины.

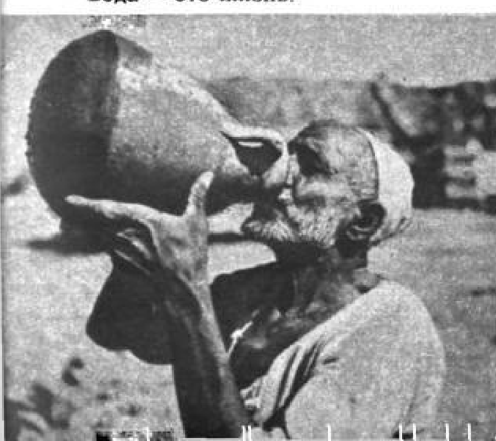
теризуются отношения между народами ОАР и Советского Союза. И жить этим отношениям долгие и долгие годы на счастье трудящимся обеих стран.

«Эта дружба возникла для того,— говорит в своей телеграмме Н. С. Хрущеву президент Гамаль А. Насер,— чтобы навсегда остаться и крепнуть, выдерживая испытание временем».

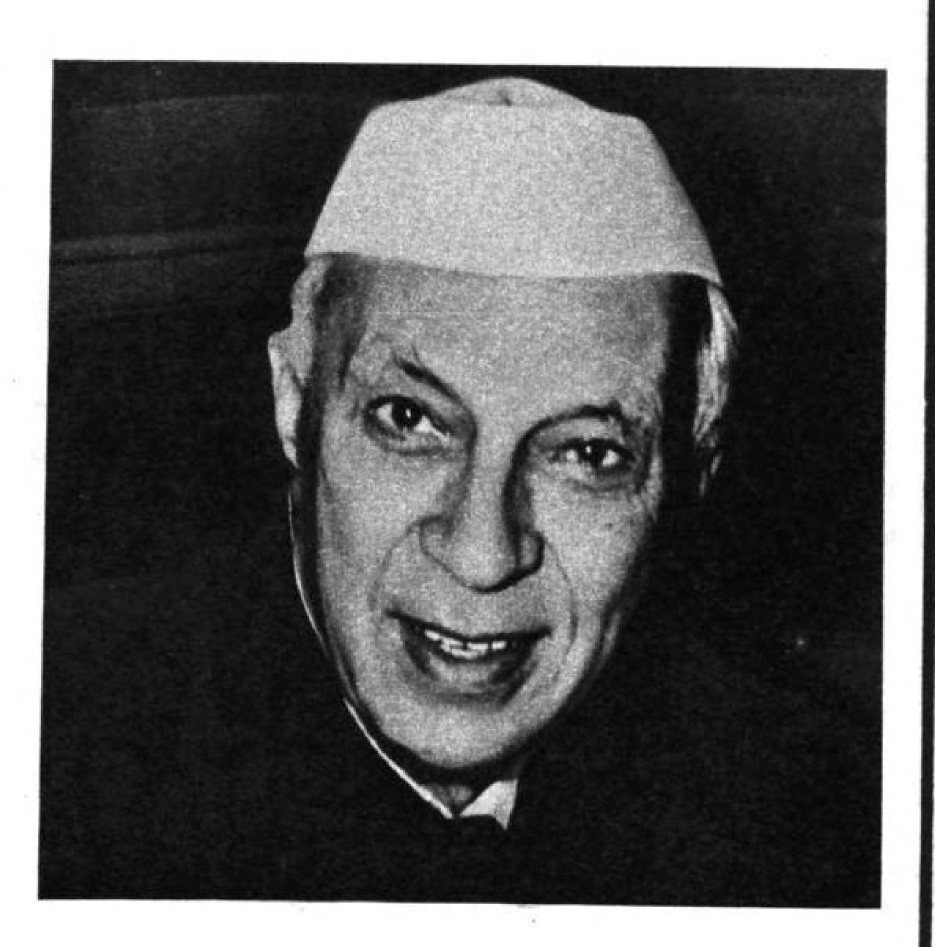
Счастливого пути этой дружбе.

Москва — Каир.

Вода — это жизнь.

Джавахарлал НЕРУ

Телеграф принес трагическое известие: оборвалась жизнь премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, выдающегося государственного и политического деятеля Азии, активного поборника мира, борца за претворение в жизнь священных принципов мирного сосуществования. Эту утрату переживают вместе с индийским народом все честные люди на земле.

Несколько раз довелось мне встречаться и беседовать с Джавахарлалом Неру, когда я работал в Индии корреспондентом газеты «Комсомольская правда». Помню его пресс-конференции и многотысячные митинги, где он выступал с пламенными речами, обращенными к своему народу. И каждая такая встреча неизменно оставляла во мне глубокий след, потому что премьер-министр Индии всегда оставался глубоко сердечным, искренним человеком. Для каждого он находил именно то слово, которое будило в человеке самые светлые чувства, мечты, надежды.

Однажды, отправляясь из Дели на строительную площадку Бхилайского металлургического завода, сооружаемого с помощью Советского Союза, я по пути заехал в Аллахабад, на родину Джавахарлала Неру, побывал в доме, где Джавахарлал Неру провел свое детство. Примечательно, что этот дом премьер-министр предоставил под детский приют. В Аллахабаде я разговаривал с простыми людьми, знавшими Джавахарлала Неру в дни его детства. Все они отзывались о своем премьере с огромной теплотой, желали ему долгих лет жизни. Через день я встретился с Неру в Бхилаи. Он был, как всегда, бодр, весел, все время шутил, живо интересовался ходом строительства и очень высоко отзывался о работе советских специалистов, которые, по его словам, помогают Индии создавать свою национальную экономику. Именно таким и остался в моей памяти Джавахарлал Неру — человек кипучей энергии, большой воли и светлого ума. Его не сломили ни лишения, ни годы, проведенные в застенках английских колонизаторов. Он всю свою сознательную жизнь посвятил борьбе за счастье своего народа, за дружбу и тесное сотрудничество с Советским Союзом, за чистое небо над нашей планетой.

Джавахарлал Неру умер на боевом посту, в рядах борцов, которые сегодня в скорбном молчании склоняют свои знамена перед его гробом.

Вадим КАССИС, журналист

●

Я помню, как, стоя на горе Магнитной и оглядывая величественную панораму металлургического комбината, Неру, обратившись к одному из советских спутников, зачарованно сказал:

— Нам необходимо построить не один такой комбинат. Это необходимо для Индии, ставшей на путь развития собственной экономики.

Он думал тогда о гиганте в Бхилаи, которому суждено было вырасти с помощью советских людей.

Неру вглядывался и в далекие просторы Волги в сосредоточенном, глубоком раздумье. Оглядывал он с Мамаева кургана панораму легендарного города на Волге. Там он произнес идущие от сердца слова о подвиге советского народа, о героизме советских людей, принесших великие жертвы и проявивших невиданный в истории героизм в борьбе с фашизмом.

Вторая встреча с Неру была у меня, когда мне довелось в Индии сопровождать советскую правительственную делегацию, руководимую Никитой Сергеевичем Хрущевым. Все выступления Неру, все его речи во время этого визита, посвященные дружбе двух великих народов — Индии и Советского Союза, дышали искренностью и глубокой верой в необходимость дружбы, в ее историческую закономерность.

Группа советских кинооператоров приехала в Индию, чтобы работать над созданием фильма о великой стране. Этот документальный фильм назывался «Утро Индии». Нас принял Джавахарлал Неру, чтобы поделиться своими мыслями о сценарии фильма, который он перед этим прочел. В его резиденции состоялась задушевная беседа. Неру говорил о своей родной стране, о ее прошлом, настоящем и будущем. В каждом его слове была огромная любовь к своей родине, в каждой его фразе, сказанной после минутного раздумья, сквозило огромное уважение к таланту, силам, трудолюбию своего народа, плотью от плоти которого он был.

Я смотрел в глаза Неру, великого сына индийского народа, вслушивался в каждое его слово и невольно окидывал взглядом огромный жизненный путь этого человека — путь борца за свободу своего народа, путь мыслителя, путь человека. Впоследствии не раз приходилось встречаться с ним. Я снимал Неру в тиши его кабинета, среди любимых его книг, картин, фотографий. В доме звенел детский смех. Всю свою любовь к детям Неру обращал и к своим двум малышам-внукам. Он преображался, когда был с ребятами, играл с ними, гулял с ними по саду.

Я не раз снимал Неру среди детей, которые тянулись к нему, окружали его всегда тесным кольцом, ощущая теплоту его большого сердца.

Р. КАРМЕН,
лауреат Ленинской премии

СОВЕТСКИЕ ПАРЛАМЕНТАРИИ В ЯПОНИИ

По-соседски радушно встречала Япония делегацию Верховного Совета СССР во главе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном. Советские гости, которые прибыли на японскую землю с миссией дружбы, мира и сотрудничества, встретились с многими государственными и общественными деятелями страны. На митинге в университете «Васэда» в Токио А. И. Микоян сказал: «Мы довольны, что нашли и в японском народе, у людей, с которыми встречались, желание дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Японией, как соседними странами».

На снимке: делегация Верховного Совета СССР во главе с А. И. Микояном в японском парламенте.

Фото ЮПИ.

●

26 мая в Большом Кремлевском дворце выдающейся общественной и политической деятельнице Испании Долорес Ибаррури была вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Фото Дм. Бальтерманца.

У строителей Саланга

Здесь проходит дорога через перевал.

Советская техника в наступлении на горы.

27 мая исполнилась 45-я годовщина независимости Афганистана. Между нашими странами существует традиционная дружба, основы которой заложены В. И. Лениным. Советский Союз первым признал политическую независимость Афганистана, а в настоящее время оказывает действенную помощь в укреплении его экономической независимости. Советские люди работают здесь на многих стройках, помогая афганским друзьям сооружать дороги, каналы, гидроэлектростанции, вести поиски нефти, газа.

В нашем репортаже мы рассказываем лишь об одной из этих строек.

От города Джебель-Сераджа, у подножия Гиндукуша, где начинается горная дорога через перевал Саланг, до южного портала — входа в туннель — 43 километра, час пути на машине, подъем на высоту 3 400 метров. Этот же отрезок времени и расстояния равен целому климатическому поясу. Из начала лета вы попадаете в зиму. Внизу буйно зеленеет трава, дует теплый ветерок, наверху лежит снег, правда, уже тающий на солнце; ночью стоят заморозки.

С высоты 3 400 метров, у входа в туннель, пробивший толщу гор, открывается величественная картина одного из крупнейших в мире горных хребтов — Гиндукуша. Ослепительные, сияющие громады гор, ледяное безмолвие, бездонная глубина неба — все это как бы символизирует величие природы. Но человек бросил ей вызов. И победил.

Штурм Саланга начался летом 1959 года. Сейчас уже построено 106 километров дороги, пробит туннель длиною 2 700 метров, сооружено свыше 5 километров снегозащитных галерей, 27 металлических мостов различной длины, 40 железобетонных мостов, 358 каменных прямоугольных труб. На каждый километр дороги — по искусственному сооружению! На каждые четыре километра — по мосту!

Невозможно переоценить значение этой дороги. Она сократит на 200 километров расстояние между столицей Афганистана Кабулом и северными районами страны и будет проходима круглый год. По словам министра общественных работ Мухаммеда Азима, дорога через Саланг будет приносить Афганистану около 200 миллионов афгани ежегодно. Она окажет непосредственное влияние на развитие всесторонних дружественных отношений между СССР и Афганистаном.

...Машина стремительно мчится по прекрасной автомагистрали, и трудно поверить, что когда-то здесь проходила лишь вьючная тропа. По пути встречаются горные афганские селения, некогда отрезанные от мира. Для них эта магистраль стала дорогой в новую жизнь. Бегут в школу мальчишки, тянутся караваны верблюдов, идет поток машин с грузами для стройки.

Еще издали виден поселок Хафтонур, где живут советские и афганские строители дороги. Два года назад здесь были лишь голые скалы.

В Хафтонуре мы познакомились с главным инженером строительства туннеля Александром Георгиевичем Синаревским. Бывший метростроевец, он пришел сюда в июле 1960 года и ныне является ветераном Саланга. Когда бы вы ни спросили его о том, как идут дела на стройке, он ответит «прекрасно», даже если в день сошло 14 лавин, как это случилось 23 мая прошлого года, или в течение 11 дней пришлось пробиваться сквозь трехметровую толщу снега к месту работы.

— По сути дела, дорога готова полностью,— рассказывает нам Синаревский,— фронт работ сосредоточен на строительстве туннеля. Нам осталось выполнить здесь отделочные работы.

Увлеченно говорит Александр Георгиевич о Саланге, о его людях, о родившейся здесь дружбе советских и афганских строителей.

Саланг явился настоящей кузницей афганских национальных кадров. Здесь впервые в Афганистане появились такие профессии, как бульдозерист, крановщик, проходчик, маркшейдер. Таких слов до сих пор не было в афганском языке. Нам назвали имена лучших — бригадир-нагнетальщик Шир Мухаммед, крепильщик Мухаммед Азам, машинист породопогрузочных машин Мухаммед Джан, монтажник Алауддин, экскаваторщик Шах Мухаммед, бульдозерист Шир Ахмед и многие, многие другие.

Может быть, сейчас кто-нибудь из москвичей, ленинградцев или киевлян читает этот номер «Огонька» в метро. Знайте, здесь, на Саланге, трудятся ваши земляки — метростроевцы.

Тяжел и благороден труд советских людей на строительстве дороги через Саланг. Об этом рассказывает песня, сложенная здесь:

Эй, Саланг, ты встретил нас лавиной,
И грозил нам не один обвал,
Думал ты, что все мы здесь погибнем,
Здесь, у ног твоих суровых скал.
Но мы шли и в дождь, и в зной, и вьюгу,
Шли сквозь ливень, ветер и буран,
Помогали мы идти друг другу,
Твердо знали: сдашься ты, Саланг.

И Саланг сдался. Из поколения в поколение будут передаваться легенды о подвиге в горах Гиндукуша, о дружбе двух народов — советского и афганского.

В. ГАВРИЛИН,
Ю. ГЛУХОВ

В. Задорожный. В. И. ЛЕНИН ОСМАТРИВАЕТ ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА Т. Г. ШЕВЧЕНКО.

Г. Мелихов. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

М. Чепик. ГЛУБОКАЯ СКОРБЬ.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ОКОЛИЦУ

В. ЛОГИНОВ

1

На сборы у меня уходит пять минут. Я беру блокнот, два карандаша, книжку стихов Твардовского. Все остальное лежит в дорожном портфеле. Привычные пять этажей спуска, и сразу же от подъезда зовет к себе просторный соблазнительный мир. Я живу на околице города. Направо—троллейбусом, налево — попутной, а прямо можно и пешком. Но на этот раз я иду к остановке такси. Она в двух шагах, за поворотом.

— На аэродром.

Через полчаса безотказный «ЛИ-2» поднимается с краснодарского аэродрома и походя берет курс на Армавир. Я сижу, скрестив для вида ремни на коленях.

Ну и самолет, черт возьми! Мы все, человек двадцать, сидим на скамейках вдоль фюзеляжа — лицом к лицу, как в просторном «газике». Тут же, сбоку, свалены чемоданы. Под ногами, над бездной, что-то похрустывает, словно рвется тонкий металл. Похрустывает и над головой. Кажется, все скрипит и хрустит: корпус фюзеляжа, плоскости, даже моторы. Поскрипывают, наверное, и зубы новичков. Чудаки, лететь на таком аэроплане одно удовольствие! Гораздо безопаснее, чем ехать в поезде. Которую тысячу раз этот летательный аппарат спокойно «пиляет» по маршруту и даже, представьте себе, поет!.. Я прислушиваюсь. Поет? Конечно. «И снег, и ветер, и звезд ночной...» Только не самолет, что вы, а девушка, моя соседка. «Пока я дышать умею, я буду идти...» Да она же боится! Реснички ее дрожат, пальцы отчаянно сцеплены на коленях. Девчонке жутко, и она поет от страха.

— Первый раз?— тихо спрашиваю я.

Она кивает. И смотрит на меня с надеждой: может, помогу?..

Я вынимаю конфетку. Но кто-то сильный вдруг встряхивает наш самолет. Ага, внизу водохранилище! Девчонка сдавленно ахает и прижимает ладони к лицу.

— Вы же смелая,— шепчу я.— Я вижу по вашим глазам. Вас катали на мотоцикле? Да? Там же было страшнее. То слева мелькают машины, то справа. И тоже подбрасывает, ведь так?

— Я за парня держалась...

— Ну, так держитесь за меня,— говорю я.— Между прочим, я почти летчик, восемь лет служил в авиации.

— Правда?—Она доверчиво хватается за мою руку.

— А теперь глядите на землю,— уже распоряжаюсь я.— Приникайте, приникайте к оконцу! Видите город? Усть-Лабинск.

— Ка-акой большо-ой!

В самом деле, даже с высоты восьмисот метров сразу не окинуть взглядом этот новый кубанский город: приходится поворачивать голову слева и до отказа направо. А десять лет назад я пересекал станицу Усть-Лабинскую за какие-нибудь полчаса. Я любил ходить отсюда пешком — на юг, к Некрасовской, на запад—в Ладожскую и на север — к речке Кирпили. Где та полевая дорога, которая столько раз вела меня в Кирпильскую и Раздольную? Где та гостиница из одной общей комнаты, в которой я, сидя на кровати, писал свою первую повесть? Где теперь мои старые знакомые?..

— Я училась в Усть-Лабинске,— проговорила соседка.

«И я тоже»,— хотелось сказать мне. Люди, над которыми мы сейчас пролетали, многому научили меня. Спасибо вам, друзья!

Наш самолет разворачивался вправо. Зазмеилась внизу своенравная речка Лаба. Все еще не отпуская моей руки, девчонка уткнулась в оконце и не отводила глаз. Самолет тряхнуло еще разик — она не заметила. Моя конфетка валялась на полу. Я поднял ее и сунул девчонке в кармашек куртки. Она не обратила и на это внимания.

— Какая зеленая, чистая и красивая земля!— услыхал я ее восторженный шепот.— Никогда бы не подумала!..

Зеленая, чистая и красивая. Зеленая, чистая и красивая! Эти простые слова меня вдруг поразили: они так точно рисовали внешность весенней земли. Как же я сам до этого не додумался!..

Забыв обо всем на свете, я тоже приник к оконцу, словно увидел эту землю впервые. Разбитая на большие квадраты, она была попраздничному чистой. Она была вся необыкновенно зеленой. И, конечно же, красивой! Мы летели над райскими полями. Они принадлежали нам. Мы жили на этой сказочной земле — я и милая моя зачарованная попутчица!..

Между тем зашумело в ушах: самолет пошел на посадку. Стремительно мелькнула под ногами последняя дорога с неподвижным грузовиком на ней, исчез за спиной густой, в натуральную величину кустарник, первый толчок, второй — земля! Самолет катился по аэродрому.

— Уже?— словно не веря, проронила девушка.

— Увы,— сказал я,— приятного понемножку.

— Спасибо вам!

— Это вам спасибо! Большое спасибо, девушка!

Она несколько раз с любопытством оглядывалась на меня. У нее сегодня наверняка выдался необыкновенный день. Но догадывалась ли она, что необыкновенным он стал и для меня? Может быть...

Мы, люди, постоянно помогаем друг другу, не придавая этому значения. У каждого из нас тысячи помощников. Диктор в радиорубке. Наборщик в типографии. Милиционер на перекрестке. Сосед по купе или по салону. Умелый актер на экране. Любимый писатель. Женщина, улыбнувшаяся нам из окна автобуса... Да всех не перечесть. Они помогают нам, мы им тоже. До свидания, девушка, моя попутчица, моя помощница! Если бы не спешила, я сказал бы тебе, что вдохновение, как и любовь, не рождается по приказу. Не приходит по распоряжению свыше. Вдохновению нужен добрый повод. Оно вспыхивает от улыбки и нечаянного слова, после рукопожатия и дружеской поддержки. Вдохновению необходим соавтор, и каждый из нас ищет соавтора в жизни.

2

Я всегда веду дорожный хронометраж. И сравниваю.

Десять лет назад двадцатикилометровая дорога от Краснодара до станицы Новотитаровской отнимала у меня более двух часов. Приходилось-таки потрястись в кузове попутного грузовика! Теперь же за эти два часа я сумел добраться до поселка Ново-Кубанского, причем еще заезжал в Армавир. Вот вам полный отчет: до аэродрома—пятнадцать минут, посадка, выруливание и полет — час, с армавирского аэродрома до города — двадцать минут, от Армавира до Ново-Кубанского — полчаса. Нет, за это десятилетие ближе стали не только луна и звезды. Между земными городами тоже сократилось расстояние, и еще как! А это все равно что сократился путь от сердца к сердцу. И при составлении итоговых балансов мы не можем не учитывать этого. Запишем и это в графу наших достижений.

...На моей заветной карте, которую я храню как зеницу ока, сотни две разных пометок. На ней «зарегистрированы» все мои путешествия по Кубани. Есть места, где уже невозможно ставить новые крестики. Но остались и «белые пятна». Одно из них — между Гулькевичами и Армавиром. Ни крестика здесь, ни точки! Все последние годы я с вожделением поглядывал на это «пятно» и читал заманчивые названия: станция Коцебу, местечко Хуторок, станица Ново-Кубанская...

Карта у меня старая. Теперь уже не существует станицы Ново-Кубанской. Есть поселок Ново-Кубанский. Изменяется лик земли, все стареет, и стареет моя карта. Знакомые кубанские станицы одна за другой превращаются в города. Усть-Лабинск, Белореченск, Кореновск, Крымск... Очевидно, и поселок Ново-Кубанский в ближайшие годы станет городом Ново-Кубанском. Город Ново-Кубанск — это хорошо звучало бы. Знамени-

то, символично и, без сомнения, точно.

Впрочем, Ново-Кубанский и в наши дни знаменит на всю страну. Неподалеку от поселка живут и работают наши молодцы, наши Владимиры — Первицкий и Светличный. Как и космонавтов, их знает каждый школьник. Механизированные звенья двух Владимиров выращивают самую дешевую в стране сахарную свеклу и кукурузу...

Но это всем известно. Лучше для начала я расскажу новенькое.

Не так давно в Ново-Кубанском сложилась одна легенда. Все началось с простого разговора. Будто бы какой-то гость спросил кубанца, старожила здешних мест:

— Ответь мне, друг, если не секрет, почему именно у вас родились Первицкий и Светличный?

— А очень просто,— отозвался кубанец,— потому что мы встаем раньше всех в России.

— Мы встаем тоже рано.

— Но мы раньше вас.

— Раньше нас невозможно,— возразил гость.— Стоит нам прилечь, как через пять минут мы уже на ногах.

— Э-э, друг,— с хитрой улыбкой сказал кубанец, — опаздываете! На пять минут.

И гость после этих слов задумался. Так и уехал задумчивый. И теперь везде рассказывает, что в поселке Ново-Кубанском встают раньше всех в России. Может быть, скоро и до вас дойдет этот рассказ, только, разумеется, в отшлифованной народной молвой форме.

Мне кажется, что в этой легенде-шутке есть смысл. Как говорится, «... в ней намек! Добрым молодцам урок».

3

Теперь я жалею, что вовремя не обзавелся фотоаппаратом и не обучился прицельному мастерству фотографии. Фотоаппарат сближает людей. Я в этом убежден. А записная книжка многих отпугивает. Она враг дружеской, непринужденной беседы. Поэтому я издавна придерживаюсь правила, которому следовал один старый журналист, мой первый газетный учитель: «Вынимай записную книжку после разговора. У настоящего газетчика карандаши — глаза и уши, блокнот — память». К сожалению, учитель мой даже и не упоминал о фотоаппарате...

Будь у меня фотоаппарат, я привез бы из этой поездки чудесный снимок. Впрочем, послушайте и посудите сами.

Речь пойдет об одном из Владимиров — Первицком. Но прежде всего я должен поделиться мыслью, которая все время не дает мне покоя.

О Владимире Первицком написано много. Да только, на мой взгляд, не так хорошо, как следовало бы. Очеркисты добросовестно рисовали плакатный образ «хозяина полей». Читая очерки, я видел Первицкого на трибуне, в президиумах собраний, на комбайне, на тракторе, среди любознательных экскурсантов и редко-редко — наедине со своими думами и заботами. Громкие розовые слова заслоняли хорошего, скромного человека, мастера, поклонника земли. Что-то мешало рисовать прославленного работника и сложнее и жизненнее — по-человечески. Привычка, что ли, к трескучему, барабанному бою, к парадной холостой пальбе?.. Казалось, авторы ставили цель: побольше пафоса, побольше пышных слов!.. И добивались своего: человек у них отрывался от земли (страшнее этого и придумать нельзя для Первицкого!), парил над окружающими. Даже не просто парил, а величаво парил. Когда-то и я рисовал такие «ангельские» портреты и без угрызений совести думал, что перо мое верно служит народу. А народ? Он отводил глаза: ему было неловко. Народ не любит богомазов. Без сомнения, неловко и Первицкому, когда его называют «хозяином полей». Поосторожнее бы надо со словами!..

Съездив наконец к Первицкому, я утвердился в этой мысли.

Был выходной день. Степь напоминала нерукотворный дом под куполом, разделенный лесными полосами на квадратные комнаты. И во всех этих исполинских комнатах — ни души. Сахарная свекла была посеяна. Подсолнечник и кукуруза еще ждали своего часа. Мне казалось: напрасно едем, Первицкого надо искать дома, в поселке имени Энгельса. Но шофер Володя, который изучил все степные дорожки, как свои пять пальцев, не принимал в расчет мои сомнения. Только один раз он остановил машину, выпрыгнул на землю и повел головой, словно понюхал воздух.

— Сюда, — небрежно сказал он, кивнув влево.

Очередной поворот, и я увидел человека, стоявшего на коленях. Пригнувшись, он обеими руками разгребал землю.

— Ну, точно,— сказал Володя,— Владимир Яковлевич прицеливается!

— Так это Первицкий?..

— А кто же еще у нас на коленях ползает!

Но я уже узнал его. Первицкий встал, отряхнулся и смущенно протянул руку. Смущенно и, может быть, досадливо. Оказывается, он регулировал сеялку, и у него немножко не получалось: семена подсолнечника ложились не совсем так, как ему хотелось. И он, по правде сказать, не ждал гостей. Что таить, они ему порядком поднадоели.

«Ну зачем вы, ребята, приехали? — сказали стеснительные глаза.— Это еще не сев. Это так, подготовка к севу, будни. Ничего тут нет интересного, не про что и писать. Уезжайте, ребята, ну вас, не мешайте работать».

Первицкий снова сел и разгреб землю, досадливо показывая, что нет его, семени. Нет, а должно быть!

Человек работал, готовился к севу, «прицеливался», как метко высказался шофер Володя. С утра он, судя по следам, изъездил половину поля, перещупал, перетряхнул руками десятки килограммов земли. Все на коленях, на коленях. И я счастлив, что познакомился с Первицким в тот миг, когда он большими огрубевшими руками, стоя на коленях, разгребал землю. Нет, нет, как ни говорите, а земля не любит плакатных «хозяев»! Привередливая, она требует, чтобыползали, покланялись ей. Но зато уж она и уважает работников — вот таких, каким я увидел тот раз Первицкого.

Я до сих пор вижу руки, бережно разгребающие пашню. И слышу голос моей воздушной попутчицы: «Какая зеленая, чистая и красивая земля!» Руки земледельца и голос очарованной дивчины стали для меня неразделимы, и, кажется, надолго запало мне в душу это озвученное видение.

Только жаль мне, очень жаль, что я привык ездить без фотоаппарата. Привез бы поучительный снимок для всех! И еще жаль, что не умею я рисовать. Написал бы картину для всех!

Три или четыре минуты побыл я у Первицкого. В сущности, пустяки, одно мгновение, но отчего же теперь у меня такое чувство, будто я знаком с Первицким давным-давно?..

4

Героями этой главки будут цифры.

«Три числа: 47, 268, 28 370» — первая моя запись в блокноте. Я не стал расшифровывать эти цифры: знал, что запомню накрепко их содержание.

О цифрах можно писать и писать. Цифры говорят, любая из них имеет свой голос. Одна взывает о помощи, умоляет. Другая убеждает. Третья успокаивает. Четвертая поет. Бывают цифры холодные и бездушные. Бывают взволнованные, дышащие любовью к человеку. И у каждой своя судьба, свой характер.

Ну, а эти —47, 268, 28 370?

Я назвал бы их необыкновенными. Раскрою их смысл.

47— количество механизированных звеньев в Ново-Кубанском производственном управлении.

268 — число механизаторов во всех звеньях.

28 370— гектары пахотной земли, закрепленной за звеньями.

Займемся-ка арифметикой. Разделим 28 370 на 268, то есть землю на работников. На каждого механизатора придется более ста гектаров. Вот в чем вся суть. Вот оно, небывалое. Каждый работает за десятерых! Даже больше чем за десятерых! Ведь в итоге 268 человек с машинами взяли на себя труд нескольких тысяч работников по меньшей мере двух больших колхозов. Они сделают все: вспашут землю, внесут удобрения, посеют, обработают, как надо, посевы, вырастят и уберут урожай. Об этом давно мечтали истинные механизаторы. Мечты сбываются, и этому нельзя не радоваться. Ведь надо полагать, что в будущем году количество механизированных звеньев увеличится. (Нынче на всей территории края их работает семьсот...) Может быть, удвоится. А пройдет несколько лет — и вся кубанская земля будет обрабатываться только механизированным способом, без применения ручного труда, по новейшей технологии. Десять, пятнадцать тысяч мастеров дадут столько же хлеба, мяса, молока, сахарной свеклы, сколько дают сейчас сотни тысяч работников. И тогда уж не Гарст, американский фермер, будет учить нас, а мы, наши механизаторы,— Гарста. Как говорится, долг платежом красен!

5

В кабинете Ивана Максимовича Юдина, секретаря Новокубанского парткома, я неожиданно вспомнил один трудный прошлогодний разговор. Он имеет прямое отношение к трем замечательным цифрам.

Это было в редакции большой столичной газеты.

— «У нас на Кубани, у нас на Кубани!..» — сердито передразнил, перебивая нас (я был с приятелем, тоже кубанцем), сотрудник редакции.— Вся страна знает, что у вас на Кубани Светличный да Первицкий. А вокруг них? Который год они работают? Ах, будут пятый! Где же у них последователи, ученики? Хотя бы в том же Ново-Кубанском районе? Ехать за опытом далеко не надо — новаторы под боком. Назовите на первый случай десяток фамилий. Назовите, назовите!

Несколько фамилий мы назвали — и осеклись. Нам было обидно, что у славных наших ребят, двух Владимиров, почти не оказалось настоящих, ревностных последователей. Мы знали, что многие механизированные звенья существуют... только на бумаге.

И вот теперь у меня под локтями опять бумага: «Социалистические обязательства механизированных звеньев Ново-Кубанского производственного управления на 1964 год». 47 звеньев, 268 человек... Я читаю фамилии, обязательства. Вот, например, пятое по счету звено. Звеньевой — Николай Чаплыгин. Как и у Светличного, в звене 6 человек, 590 гектаров земли, из них 190 под сахарной свеклой. Обязательство звена — 300 центнеров сахарной свеклы с гектара. Очень хорошо! Но я читаю, а сам поглядываю на Юдина. Он сидит рядом и улыбается, словно догадывается о моих сомнениях. Ждет, когда я выберу звено. Кого выбрать? Останавливаюсь на Чаплыгине. Спрашиваю: как, что за звено, что за парень?..

— Обыкновенный, — по-прежнему улыбается Иван Максимович. — У нас все одинаковые.

Шофер Володя везет меня в первое отделение колхоза «Ленинский путь», к Николаю Чаплыгину.

От этой поездки в моем блокноте осталась такая запись: «Шестеро из двухсот шестидесяти восьми. Добры молодцы. Дипломатический прием. 20 женщин с тяпками — этого не будет!»

Сейчас пишу, а сам горю от нетерпения. Хочется рассказывать!

Я ехал, испытывая смутную тревогу. Меня всегда волнует встреча с людьми, мне неведомыми. Я не думаю о машинах и агротехнике. Это потом, потом. Сначала, какие лица у людей, какие у них глаза? Вдруг скучные у них лица и равнодушные глаза?.. Такое случалось в прошлые годы, когда люди по бумажкам зачитывали свои обязательства и мгновенно забывали о них до очередного экстренного собрания. Сколько раз я приезжал в бригады и с болью в сердце убеждался: «Воодушевления нет, толку не будет!» Вот почему немножко томила меня тревога...

Забегая вперед, скажу, что сомнения мои оказались просто смешными. Недаром же улыбался Иван Максимович Юдин! После я честно признался ему: «Не ожидал». Ну что ж, бывают случаи, когда признавать свои ошибки приятно.

В первом отделении «Ленинского пути» были гости из Мордовии: механизаторы, партийные работники, газетчики. Теперь, пожалуй, поток гостей и экскурсантов на Кубань поиссякнет. Никита Сергеевич вовремя покритиковал некоторых ретивых путешественников: от них прямо-таки отбою на Кубани не было. Побудут два-три денька, поспрашивают, поудивляются—

и отбывают восвояси. Какая же тут польза? Правда, обо всех сказать так нельзя. Мордовские гости, мне думается, приезжали с хорошим желанием поучиться...

В это время они как раз и беседовали с Чаплыгиным и его друзьями. Я вошел на цыпочках в светлую просторную комнату и сел в сторонке, рядом с журналистом из Краснодара, который оказался тут по своим газетным делам.

Сел и увидел лица — удивительно одинаковые, улыбающиеся, набравшие от весеннего солнца плотный бронзовый загар. Я увидел глаза, чудесные глаза — в них смекалка и ум. Шесть хлопцев, шесть добрых молодцев сидели по одну сторону стола, плечом к плечу, как братья, как на подбор. По другую сторону белолицые (не то солнце в Мордовии!) и явно ошеломленные, вспотевшие от восхищения гости. Все они торопливо пишут. Ничего не забыть, ничего не упустить!.. Они пишут, а хозяева рассказывают — то один, то другой. Который из них Коля Чаплыгин? Не угадать. Течет заинтересованная беседа — без суеты, без шума. Чем не дипломатический прием? Не хватает только минеральной воды да людей с фотоаппаратами...

Да, смешны, нелепы были мои сомнения. Я еще не разговаривал с чаплыгинскими ребятами, не видел их машин, я только любовался молодыми, задорными лицами и уже понимал, что эти ребята не подведут, не отступят. Такие под стать Светличному, на таких можно положиться.

Краснодарский журналист вмешался вдруг в разговор, стал забрасывать чаплыгинских хлопцев коварными вопросами:

— А если дождя не будет?
— Сами поливать начнем.
— А если сорняки пойдут?
— Не пойдут!
— Ну, а если пойдут? Не появятся на ваших полях двадцать женщин с тяпками?

— Сами с тяпками выйдем! — дружно отвечали добры молодцы.— Только не будет этого!

Журналист смолк, понял: не будет этого.

Вместе с мордовскими товарищами я осматривал первоклассное вооружение механизаторов — машины. Потом мы ходили по полям, обработанным так же образцово, как у Светличного. Чаплыгинские ребята отсеялись чуть ли не первыми на Кубани. Качество отличное!

Недавно я говорил о цифрах. Цифры, конечно, бывают разные. В этом году они надежно подкреплены по-хозяйски подобранными, проверенными на работе людьми. И я верю, что скоро, уж скоро фамилии двух наших всесоюзно известных Владимиров потонут в десятках, сотнях фамилий первоклассных механизаторов. Слава Первицкого и Светличного от этого не уменьшится. Наоборот, она возрастет. Ведь они родители мощного отряда мастеров полей. Земной поклон им, родителям!

6

Сравнивать можно поля, улицы, станицы. Я сравниваю кабинеты. Наверное, я видел кабинетов сто. Были кабинеты похожие на музеи. Видел я кабинеты, чем-то напоминающие площади: обширный стол — трибуна. В одних кабинетах поражала мебель. В других — растительность: мохнатые пальмы в кадках, цветы в ящиках...

Но есть кабинеты, в которых вся обстановка располагает к работе. Ни разнообразных — музейного качества — диаграмм на стенах, ни аляповатых картин местных корифеев живописи, по ошибке именующихся реалистами. Мебель обыкновенная, стол — тоже обыкновенный. Таков кабинет Ивана Максимовича Юдина. В этой комнате нет ничего постороннего, ничто не отвлекает. Схематическая карта Ново-Кубанского района не в счет. Не в счет и чертеж одной замечательной машины, изобретенной местным умельцем. Сюда приходят с единственной целью — работать.

Впрочем, диаграммы есть и в этом кабинете. Иван Максимович Юдин вынимает их из стола. Я чувствую: он не может не показать этот альбом. Еще не закончился весенний сев, а Иван Максимович уже думает о закладке силоса. В районе готовится специальный семинар по силосу. Как заложить силос, чтобы он полностью сохранился и не утратил питательных качеств? Это очень важная проблема. На Кубани ежегодно закладывается громадное количество сочных кормов. Но никто не знает, сколько их каждый год пропадает. Учета не ведется. Иван Максимович убежден: халатное отношение к этому наиважнейшему делу дорого обходится государству. Он считает, что разрекламированное силосование типа «холма» совершенно неприемлемо на Кубани: теряется до 30 процентов корма. Иван Максимович — ярый сторонник траншей. И диаграммы из его альбома доказывают, что траншейный способ силосования наиболее удобный и экономичный. Однако и в траншеях можно сгноить силос, превратить его в несъедобную клетчатку, если заложить его неумело, не по-хозяйски. В каждом деле, в том числе и в этом, должны быть умельцы. Вот почему и готовился в Ново-Кубанском районе семинар по силосу. Летом учиться будет поздно.

Иван Максимович плотен, крепко сбит, энергичен. В нем сразу угадывается деловитый, деятельный человек. Сельское хозяйство он знает превосходно. Но этого мало: Иван Максимович любит его, увлечен им. Надо прямо сказать, что умению, энергии, старанию таких людей и обязана Кубань своими успехами.

Я смотрю на секретаря парткома и думаю: «Ах, Иван Максимович, как здорово, что вы весной уже заботитесь о закладке силоса!»

7

Перелистываю блокнот. Читаю фамилии людей, о которых непременно надо написать. Одиннадцать человек. Люди, я в долгу перед вами! Вы все достойны похвалы, труд ваш невозможно переоценить, рассказывать о вас — наслаждение.

«Оськин, брат Оськина. Механизатор с 1925 года. В этом году я только родился». Эту запись не обойти. Оськин стоит перед глазами, седой, статный, с солдатской выправкой, не укрощенный старостью человек. Петр Иванович Оськин, брат известного героя-комбайнера Александра Оськина, бывший директор МТС, а теперь пенсионер. Пенсионер по возрасту, а фактически по-прежнему труженик каких поискать. О нем говорят некоторые непонятливые: «В железном ломе копается! И что человеку надо? Свой домик, все есть...» Темные вы души, холодные жильцы на нашем белом свете, этого же — домика и достатка — человеку мало, если он боец и коммунист! Мало ему этого, потому что с юных лет он привык творить, и жажда творчества не покинет его, пока бьется сердце. Он умелец, он владеет тем даром, который так необходим народу.

Рассказывая о кабинете Ивана Максимовича, я упомянул о чертеже, висевшем на стене. Петр Иванович имеет к этому чертежу прямое отношение. Это он сконструировал машину «для послеуборочной обработки початков кукурузы и переработки отходов на корма». Название, конечно, громоздкое, но дело не в названии. Суть в том, что машина эта экономит труд десятков людей. Она обрывает кукурузную обертку, сортирует початки. Как это делается? Пожалуй, не объясню. Да это, как говорится, в мои функции и не входит. Слово за инженерами.

Иван Максимович Юдин возил нас взглянуть на эту машину. Понравилась нам машина! А еще больше понравилось, что земля вокруг нее утрамбована, как танцплощадка. Здорово интересуются люди детищем Петра Ивановича Оськина!

До сих пор этот человек стоит у меня перед глазами, седой, статный, как старый солдат на поверке. Творцы не уходят на пенсию — это закон нашей жизни.

8

Разнообразны встречи на весенних кубанских дорогах. Одиннадцать записей в блокноте. Одиннадцать интереснейших судеб и характеров. С сожалением пропускаю восьмую, девятую, десятую запись. И вот одиннадцатая: «Кто сегодня знает агронома Белоусова? А осенью, возможно, его будут знать все».

Василий Кузьмич Белоусов — агроном из колхоза имени Ленина. Мы (я и краснодарский журналист, мой приятель) ездили с ним в механизированное звено Алексея Синельникова, комбайнера, который намолотил в прошлом году 22 тысячи центнеров зерна. Вот еще одна цифра, характеризующая возможности кубанцев! Я упомянул ее не случайно. Синельников намолотил столько хлеба (кстати, одной пшеницы 18 тысяч центнеров) на полях, где весной была произведена внекорневая подкормка. Не стану описывать ее суть. Это опять-таки дело специалистов. Скажу лишь, что Василий Кузьмич — ярый поборник внекорневой подкормки. В прошлом году она была произведена в колхозе почти на двух тысячах гектаров посевов. Одна бригада не подкормила пшеницу — и потеряла по 7 центнеров зерна на каждом гектаре. Это уже доказано.

Но дело это новое, непроверенное. Во всяком случае, на больших площадях внекорневую подкормку почти не производили.

— Еще не все верят,—с горечью признался нам Белоусов.

Он рассказал, что написал об успехах колхозников в одну редакцию и получил обидный ответ: «Не можем поместить за неимением места».

— В этом году мы произведем подкормку на всей площади, убедим маловеров,— продолжал Белоусов.— Вы видите?— Он показал влево, где специальная машина опрыскивала посевы.— Заедем?

Мой приятель отрицательно покачал головой. Незачем, мол. Мол, это ему хорошо известно. Неужели и он не верит?

Василий Кузьмич усмехнулся и смолк. «Эх ты, консерватор!— хотелось сказать мне приятелю.— Неужели тебя не убеждают глаза этого человека? Посмотри же на него — и ты поверишь!»

Я верю людям, а таким, как Белоусов, особенно. На прощание я крепко жму ему руку, как его единомышленник, как помощник.

— Приезжайте осенью, и вы убедитесь,— говорит он.

Что ж, до осени! Удачи вам, Василий Кузьмич, мой одиннадцатый добрый друг! Может быть, я помог вам добрым словом. А вы-то уж мне без сомнения!

9

Прощальные рукопожатия в кабинете Ивана Максимовича Юдина, в коридорах парткома, на улице. Пора домой, к письменному столу! Я увожу с собой бесценное богатство. Стерто еще одно «пятно» на моей заветной карте.

Теперь — в Армавир. Если не считать минутного заезда неделю назад, я не был в этом городе... двадцать лет. Что мне запомнилось в 1944 году? Ничего, кроме разбитых домов, развалин. Тогда я написал стихи:

В Армавире нет дверей — проломы.
Из кустов чужие дразнят галки.
В Армавире жили мы не дома.
Спали в штабе, на полу вповалку.

Так было. Но кажется, что это снилось мне. Где жил, по каким улицам ходил я?.. Нет, я впервые в Армавире, впервые! Этот красивый, по-южному уютный, зеленый, чистый город мне незнаком.

Красивый, чистый, зеленый... Я иду по улице и твержу эти слова. Они запали мне в душу, они стали моими. Но где же та девчонка, которая произнесла их? Почему бы ей не появиться из-за угла?

И она, как в сказке, появляется из-за угла. Появляется и замирает. Чудес не бывает! Просто наша жизнь устроена так замечательно. Девчонка бросается ко мне, смеется и спрашивает:

— Вы армавирец?
— И армавирец тоже,— отвечаю я.— Живу в сорока пяти минутах лета.
— Ах, вы краснодарец! Ну ничего, теперь в Краснодар я всегда буду летать. Вы меня приучили.
— Вас приучила земля,—говорю я.— Зеленая, чистая и красивая.
— Зеленая, чистая и красивая,— тихо повторяет моя зачарованная помощница.

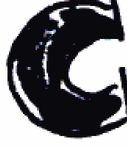
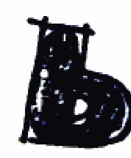
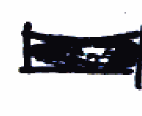
Мы идем по армавирской улице, говорим и смеемся...

А через час самолет поднимается с армавирского аэродрома и берет курс на Краснодар. Еще через час я уже преодолеваю привычные пять этажей подъема. Очередное путешествие закончилось. В моей тесной квартире распахиваются окна.

Я живу на околице города. Полмира видно из моего окна. Во всяком случае, вся Кубань как на ладони. И в какую сторону ни посмотришь — везде встречают тебя улыбки друзей. Здравствуйте, дороги!

Николай ГРИБАЧЕВ

Рисунки И. СЕМЕНОВА.

Гусь —

1

Васька наш играет в классы,
Прыгнет этак, прыгнет так.
Между тем
У Васьки краски
Утащил с окна гусак.

Утянул
И огородом
У плетня по лебеде
Полным ходом,
Полным ходом
К речке двинулся, к воде.

2

А наутро у плотины,
Хвост раскрыв, что абажур,
Гусь
Решил писать картины,
Рисовать гусей и кур.

Натянул
Кусок холста —
Ах, какая красота!
Краски выдавил
Подряд —
Словно радуга горят!

3

По пути роняя пух,
Прибежал сперва
Петух,
Красный гребень почесал,
Приосанившись, сказал:

— Я петух,
Всем птицам птица,
Клюв мой —
Словно пистолет.
Принесу тебе
Пшеницы —
Напиши с меня портрет!

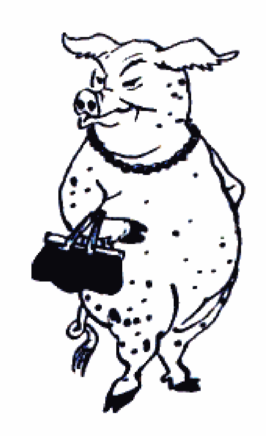

4

— Хрю-хрю-хрю,—
Пришла свинья:
— Напиши
Портрет с меня.

Я к стене его приставлю,
Пусть узнают все,
Что я
Не какая-то простая,
А красивая свинья!

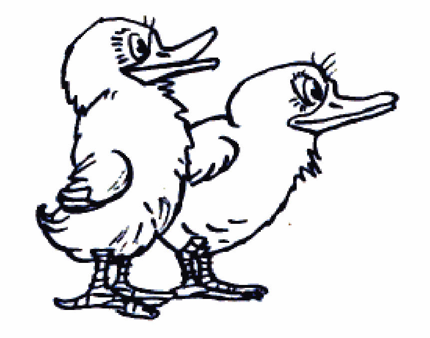
5

За свиньей
Как на пожар
Кот Петруха прибежал.
Сел,
Расправил для красы
Молодецкие усы:

— Ты рисуй меня, кота,
От ушей и до хвоста,
Чтоб узнали по портрету
Про меня
На всю страну,
Чтобы дали мне ракету
Для полета
На Луну!

6

Пришли утята
За котом:
— Нарисуй и нас потом.
Мы хоть маленькие,
Да удаленькие,
Можем в озеро
Нырнуть,
Не боимся
Утонуть!

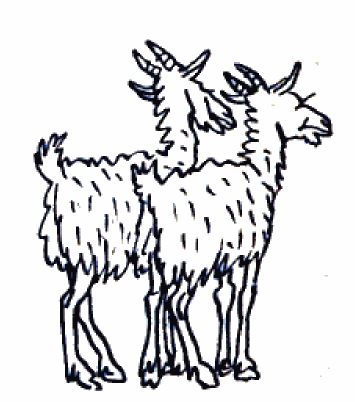

7

А потом пошло да поехало,
Два козленка у плотины
Замемекало,
Пришли два барашка,
Еремей да Яшка,
Как раскрашенный сундук,
Прикатил
Индюк:

— Кулды, кулды,
Нарисуй меня в рост,
Я тебе
За труды
Наловлю стрекоз'

8

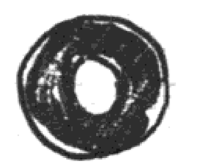
Ну, значит,
Время начинать,
Да только вот беда:
Гусь
Не учился рисовать
Нигде и никогда.

Два слога знал он наизусть:
«Га-га!»
А в остальном
Был он зазнайкой,
Этот гусь,
Вруном и хвастуном.

9

Но, что ишак, упрям был
гусь
И всем на берегу
Сказал:
— А я вот не боюсь!
А я и так могу.

Желтой краской —
Раз, раз —
Нарисую
Пару глаз,
Черной — лапы,
А хвосты —
Голубой для красоты.

10

За палитру — жести клок,
Вместо кисти — пара лап,
Желтой краской —
хлоп,
хлоп,
Синей краской —
ляп,
ляп.

Рисует гусь,
Рисует,
Рисует, как танцует,
Малюет без подсказки,
Аж ручейки с холста,
Аж сам
В зеленой краске
От носа до хвоста!

11

Была жара, сошла жара,
Давно прошел обед.
Скулит свинья:
— Пора, пора,
Показывай портрет.

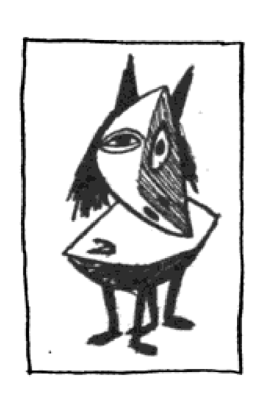
— И мой и мой! —
Орет петух.
Индюк бубнит:
— И мой!
Уже коров прогнал пастух
И нам пора домой.

12

Глядит свинья,
Визжит свинья
И градом слезы льет:
— Тут на портрете я — не я,
А желтый бегемот!
Ударил шпорами петух:
— Я думал, гусь,
Что ты мне друг,
А ты нарисовал с меня
Не то свинью,
Не то коня!

13

Похожи козлята
На лягушат,

Утята на примусы,
Кот на ушат,
Курица на терку,
Цыпленок на телку.
Вот что значит
Писать
Без уменья и толку!

14

Тем бы и сказка кончилась
вся,
Но тут как набросились на
гуся
Утята,
Козлята,
Кот
И петух —
Полетел от гуся гусиный
пух!

Били, били гуся,
Поколачивали,
Со спины на живот
Поворачивали,

С боку на бок гуся
Переваливали,
Колотили гуся
Да приговаривали:

— Человек ты или птица.
От вранья не жди добра.
Всем зазнайкам
Поучиться
Уму-разуму пора!

15

А за то, что, кончив дело,
Бросил краски на окне,
Пусть рисует Васька
мелом,
Только, чур, не на стене.

В жизни это
Или в сказке —
От нерях всегда беда.
Покупать
Неряхам краски
Мы не будем никогда!

Комбат-пять Николенко доложил, что меня по важному делу хочет видеть Петро Скирда... Этот самый Скирда перешел к нам с группой националистов, когда основная часть соединения находилась за рекой Стырь, а в районе нашего лагеря «Лесограда» оставался только 5-й батальон.

Бандеровцы переходили к партизанам нередко. Но это, как правило, случалось после наших удачных операций против оуновских «куреней». Видимо, удары, полученные от партизан, являлись для обманутых, запуганных людей психологическим толчком, помогавшим разобраться, на чьей стороне правда. Но в данном случае обстановка складывалась не в нашу пользу. Гитлеровцы вели наступление против нашего соединения в крупных масштабах. Вместе с ними наступали и «бульбаши» — так мы называли националистов. И вот в самый неблагоприятный для нас момент, когда фашисты ворвались в лес, тринадцать бандеровских солдат, возглавляемых Петром Скирдой, вдруг по доброй воле сложили оружие перед пятью разведчиками Николенко!

— Пусть явится завтра утром! — сказал я Николаю Михайловичу.

У дверей комбат обернулся, скрипнув своей кожаной курткой.

— Только вы с ним поосторожнее, товарищ генерал! Глаз не спускайте! Не нравится он мне.

— Откуда такие выводы?

— Уж больно лицо у него подозрительное... Типичный бульбаш!..

И в самом деле, внешность явившегося ко мне на следующее утро перебежчика соответствовала нелестной характеристике Николенко. Петр Скирда оказался высоким, угрюмым человеком лет сорока с гаком. Подбородок и щеки заросли щетиной. Длинные, вислые усы закрывали рот. Одежда грязна и невероятно оборвана.

Но о своем прибытии он отрапортовал по-военному четко и попросил разрешения обратиться.

— Обратиться еще успеете, — сказал я.— Садитесь-ка и рассказывайте о себе.

Скирда сел и начал рассказывать. Родился в Кировоградской области. Из крестьян. Образование — три класса. Работал токарем в МТС. В начале войны был мобилизован, но воевать почти не пришлось: попал в окружение. Контужен разорвавшейся рядом миной. Когда был без сознания (в этом месте губы Скирды вздрогнули и поползли было в сторону, но он тут же взял себя в руки), его взяли в плен. В первый раз он бежал из лагеря неудачно и снова попал в руки к немцам. Недавно бежал во второй раз вместе с четырьмя другими пленными красноармейцами. Двигаясь на восток, беглецы перебрались через Буг. В лесу встретили бандеровцев, которых сначала приняли за советских партизан...

Я несколько раз перебивал Скирду вопросами. На все следовали спокойные и обстоятельные ответы. Если то, что он рассказывал,— легенда, то легенда эта была недурно разработана.

И все же я чувствовал, что слушаю именно легенду. В ней был один серьезный изъян. Петр Скирда называл себя селянином, который и грамоту-то едва знает. А сам говорил, как образованный, интеллигентный человек, привыкший лаконично и точно формулировать свои мысли.

Человеку не так уж трудно изменить внешность. Но попробуйте изменить свою речь, манеру выражаться! Желая еще раз проверить это соображение, я попросил Скирду рассказать, что его больше всего поразило в отряде бандеровцев. Скирда на минуту задумался.

— Многое, очень многое! — заговорил он наконец голосом, в котором слышалось сдерживаемое волнение.— Все у них отвратительно, лживо, коварно!.. Пожалуй, больше всего меня возмутил один подлый и лицемерный трюк. Бандеровцы говорят, что никого не принуждают насильно у них оставаться. Не хочешь идти в «курень» — шагай на все четыре стороны. Даже буханку хлеба и кусок сала дадим тебе на дорогу. И действительно давали! Сам видел. Однажды кашевар велел мне передать хлеб и сало мужичку, которого отпустили домой. Несу и замечаю: буханка-то снизу вся окровавлена! Да и черствая к тому же! Тут-то я и понял, что и буханка и сало перебывали в десятках рук вот таких же «отпущенников». Дадут человеку отойти немного, а где-нибудь неподалеку, в кустах, его ждут пуля или нож.

Об этом гнусном приеме националистов я не раз слышал и раньше. Сам по себе он меня не удивил. Меня занимало иное: разве такими словами рассказывал бы обо всем этом простой селянин! Нет, передо мной сидел человек начитанный, понимающий цену слова... «Врешь,— подумал я, слушая перебежчика,— не тот ты, за кого пытаешься себя выдать!» Я невольно усмехнулся.

И тут случилось неожиданное. Мой собеседник вдруг осекся, замолк, глядя мне прямо в глаза. И, чуть помедлив, произнес:

— Хватит! Я не красноармеец Петр Скирда... Явился к вам доложить советский генерал-майор Сысоев Павел Васильевич, бывший командир 36-го стрелкового корпуса...

Он, по-видимому, хотел продолжать, но вдруг, не сдержав себя, уронил голову на руки и глухо зарыдал. Мне с трудом удалось его успокоить.

Отставив в сторону стакан с водой и нервно подергивая усом, человек, которого следовало теперь называть не Скирдой, а Сысоевым, возобновил свой рассказ.

— Да, я советский генерал! Вы это, разумеется, можете проверить. До войны работал: читал курс тактики в Академии имени Фрунзе. Началась война — принял командование корпусом. Осенью в боях под Шепетовкой мой корпус был окружен и разбит. Пришлось выходить мелкими разрозненными группами. Той группе, с которой я шел, пробиться не удалось. Нас отсекли, зажали в небольшом лесочке, начали долбить артиллерией и минометами. Я начал собирать кулак для прорыва. И тут совсем рядом разрыв... Дальше не помню...

Сысоев залпом выпил воду.

— Очнулся уже в плену,— продолжал Сысоев.— Лежу среди раненых в каком-то сарае. Ощупал себя — вроде нет ран. Только голова кружится. Значит, контужен. Смотрю, на мне красноармейские гимнастерка и брюки. Оказывается, когда я потерял сознание, бойцы переодели меня на случай, если окажусь в плену... И верно, пригодилась генералу солдатская забота! Ну, а остальное я уже рассказал...

— А скоро ли вы разобрались, что попали к националистам? — спросил я.

— Можно сказать, сразу! Замашки у них чужие! На «курень» мы наткнулись неподалеку от Буга. Сначала обрадовались. Называли-то они себя «украинскими партизанами»! Но по дороге к их штабу спрашиваю конвоира, с кем, мол, больше приходится воевать. Он отвечает: «Со всеми воюем — с немцами, с полицаями, а больше всего с московскими парашютистами». А мы от поляков слышали: парашютистами бандеровцы называют советских партизан.

— А теперь, Павел Васильевич,— сказал я,— расскажите, как же удалось к нам перебраться?

Сысоев вздрогнул, прикрыл ладонью глаза и некоторое время не мог произнести ни слова.

— Что с вами?

— Да пустяки! Больше двух лет не слышал собственного имени-отчества... Но вы спрашиваете, как удалось сбежать от бульбашей и отыскать вас? Это целая история...

И верно, это была долгая и трудная история. Как водится, бандеровцы разъединили беглецов из фашистского плена, распределили всех пятерых по разным «четам» и «сотням» — так у националистов назывались взводы и роты. К тому же «служба беспеки», агенты которой были в каждом подразделении, бдительно следила за поведением новичков... Тем не менее Сысоев и его товарищи, соблюдая все предосторожности, время от времени встречались — то на привале, то за едой — и перекидывались словцом...

Думали только об одном: как бы выбраться из «куреня» и попасть к своим. Однако бежать наугад, не зная местности и расположения партизанских отрядов, рискованно. Если опять напорешься на бандеровцев — считай себя покойником.

Решили выждать благоприятный момент. Вскоре бандеровцы начали готовиться к какой-то боевой операции. Павла Васильевича назначили вторым номером к станковому пулемету.

Примерно в середине сентября «курень» получил приказ двинуться на восток и форсировать реку Стоход. На берегах Стохода бандеровцы завязали бой с одним из батальонов нашего соединения. Но уйти группе Сысоева в том бою не удалось. От партизан отделял Стоход, глубокий, с болотистыми берегами.

— Однако два человека из бежавших со мной еще от немцев куда-то исчезли,— продолжал рассказывать Павел Васильевич.— «Куренной атаман» утверждал, что эти люди убиты в бою, но я не очень-то ему верил.

— Кто такие? — перебил я Сысоева.— Как фамилии?

— Один из них — ветеринарный фельдшер Федор Лебедев, второй — красноармеец по имени Захар. А вот фамилии его не помню.

— Оба у нас! — сообщил я Сысоеву.— Живы-здоровы!

— Вот как! Значит, им удалось?!

— А они ночью, сразу после боя, вплавь перебрались. Ну-ну, а с вами-то что дальше произошло?

Оказывается, после неудачной попытки форсировать Стоход бандеровский «курень» обходными путями перебазировался в район села Колки. Разговоры о новом наступлении на партизан не прекращались. Сысоев напряженно прислушивался к этим разговорам. Где именно стоят партизанские отряды?..

Но однажды, совершенно случайно, он увидел развернутую «сотником» карту с нанесенной обстановкой. Опытному военному хватило одного взгляда: теперь-то он знал, что партизаны находятся примерно в тридцати километрах к северо-западу.

Сысоев решил, что ждать больше нечего. В ближайшую ночь тринадцать человек собрались в условном месте и двинулись к партизанам...

— Вот каким образом я оказался у вас,— заключил Павел Васильевич.— Теперь, кажется, все...

— Почти все! У меня еще лишь один вопрос: почему вы назвались сначала все-таки Скирдой, а не своей настоящей фамилией?

— Ну, как вам сказать, генерал! — слегка пожал плечами Сысоев.— Вы, пожалуйста, не обижайтесь... Ведь мне тоже надо было вас немного проверить! Конечно, за те дни, что мы здесь, я успел многое узнать, услышать... Но и самому не мешало прежде на вас посмотреть, а потом уж решить, оставаться ли мне Скирдой или нет. Сами знаете: каков поп, таков и приход...

— Значит, проверка была для

А. Ф. ФЕДОРОВ,
дважды Герой Советского Союза

меня благоприятной? — спросил я и невольно улыбнулся.

— Во всяком случае, я понял: с вами можно быть откровенным.

— Что ж, и я вам отвечу откровенностью. Лично я верю каждому вашему слову, для меня вы генерал-майор Павел Васильевич Сысоев. Но моя обязанность...

— Запросить Москву? — живо перебил меня Сысоев.— Получить подтверждение? Ну, конечно же, это ясно!.. Иначе нельзя! Буду только рад. Об одном прошу вас заранее. Когда все подтвердится, не отправляйте меня в Москву, оставьте у себя... Поймите, я должен, понимаете, должен смыть позор пленения!

— Вы попали в плен контуженным, будучи без сознания. И потом вы дважды... нет, даже трижды бежали из плена!.. Но довольно об этом... Подождем ответа Москвы. А пока приводите себя в порядок.

Шифровку о Сысоеве я немедленно отправил в Генштаб. К вечеру мы с Сысоевым снова встретились за стаканом чая. Побритый, причесанный, в чистом обмундировании, в накинутой на плечи меховой куртке, Павел Васильевич никак не напоминал теперь «типичного бульбаша», как давеча назвал его Николенко. Вместе с тем на чисто выбритом лице генерала еще резче выступили морщины, заметней стало нервное подергивание рта. Да, немало, видно, пришлось пережить этому человеку! Трудная у него оказалась судьба.

Вечерами Павел Васильевич не раз ко мне заходил. Рассказывал о своей довоенной жизни.

Сысоев — коренной русак, родился и вырос в Подмосковье, там же юношей работал на заводе токарем. Очень любил он и Украину, где прошли многие годы его военной службы. И жена у него, оказывается, украинка.

...Наконец пришел ответ из Генштаба на мой запрос относительно Сысоева. Шифровка подтверждала все рассказанное Павлом Васильевичем. Он числился пропавшим без вести. В заключение в радиограмме говорилось: «Сысоева немедленно отправьте в Москву».

Я пригласил к себе генерала и молча протянул ему листок бумаги. Он прочел, вздохнул:

— Иначе не могло быть... Я это знал. Но и вы отлично знаете, что меня ждет в Москве. Прошу вас, Алексей Федорович, как человека, как коммуниста прошу! Дайте возможность повоевать! Кончится война, тогда, если в чем виноват, за все разом отвечу.

По совести говоря, я колебался. Тревога Сысоева мне была понятна... Но приказ есть приказ...

— Надо подумать, Павел Васильевич,— сказал я наконец.— Встретимся утром. Решим.

Я думал весь день и всю ночь.

Сегодняшнему читателю нынче — когда ленинские нормы партийной и государственной жизни у нас полностью восстановлены,— возможно, и нелегко войти в мое положение. Но тогда и время было другое и нормы другие...

Двойную трагедию пришлось переживать многим советским людям, побывавшим во вражеском плену. Сначала трагедию плена. Потом еще одну — по возвращении...

Нелегко вырваться из фашистского концлагеря. Уже тот факт, что человек сумел бежать, свидетельствовал о силе его души, о его патриотизме. Но и побег не означал еще спасения. Беглец шел к своим через тысячу смертей. Не спал, не ел, на каждом шагу его подстерегала гибель. И вот, наконец, добрался! Кажется, все мытарства позади... И тут новая трагедия — арест и следствие, далеко не всегда объективное...

Конечно, всех вернувшихся из плена обязательно требовалось строжайшим образом проверять. Безусловно, любой нарушитель воинской присяги заслуживал самой суровой кары. Однако нельзя в каждом человеке, побывавшем в плену, видеть шпиона и предателя.

«Дайте мне повоевать»,— просил Сысоев. И он прав. Никак нельзя сразу отправлять его на Большую землю. Нельзя! Кто поручится, что все пережитое им с начала войны оценят объективно? Спросят у Сысоева: «Генерал?» «Генерал». «В плену был?» «Был». «Значит, виноват!» А раз виноват — рубанут сплеча, и все. Такое случалось...

Я то ворочался в постели с боку на бок, то садился и крутил цигарку. Вспомнилась история политработника Семена Лузина.

Летом 1942 года к нам из Москвы прилетел самолет. Кроме взрывчатки, оружия, почты, он доставил трех человек, которых следовало перебросить дальше для выполнения особого задания. Какое у них задание, я не спрашивал, это у нас было не принято. И вдруг один из этих трех отозвал меня в сторону.

— Лузин у вас? — спросил он.

— Да, есть такой... А в чем дело?

— Я получил задание расстрелять Лузина. Ставлю вас в известность!

— Вот как? А за что, позвольте узнать?

— Этого я вам сказать не могу.

— Ну, а я могу поставить вас в известность, что Лузин — политрук одной из наших рот, человек, проверенный в боях, и расстреливать его по неизвестным мне причинам я никому не позволю!

— Но, Алексей Федорович, есть же приговор суда! Лузин изобличен в измене!.. Я только исполнитель!..

— Вся власть в соединении принадлежит мне,— твердо ответил я.— И я приостанавливаю исполнение приговора! Вы не крутите. Что это за приговор? В чем конкретно обвиняется Лузин? Да я лично знаю его уже полгода! Никогда не поверю, чтоб он был предателем!..

После некоторого колебания «судебный исполнитель» решился наконец рассказать мне, в чем дело.

Оказывается, Лузину инкриминировалась выдача гестаповцам заложенных в лесах партизанских баз снабжения. Вновь прибывший показал мне приговор военного трибунала — все честь честью, с печатями и подписями.

— Судили Лузина заочно? — спросил я.

— Ну, ясно, заочно.

— И следствие вели заочно?

— И следствие... Но имеются неоспоримые данные!

— Какие же это данные? Откуда их взяли?

— Данные поступили от агентурной разведки.

Я рассмеялся.

— Эх, если бы все агентурные данные были точны! Ну да ладно... Мы сами проведем дополнительное следствие. А пока запомните: исполнить приговор не разрешаю! Ослушаетесь — пеняйте на себя.

Что же выяснило наше партизанское расследование? Оно выяснило, что Лузин, который в начале войны остался в подполье в одном из оккупированных районов, был схвачен гестаповцами. Его подвергли жесточайшим пыткам. Лузин почувствовал, что долго он их не выдержит. И вот он решил перехитрить врагов. Он повел гестаповцев в лес. Он действительно показал, где были зарыты две бочки бензина. Потом увлек гестаповцев дальше, все глубже и глубже в лес, делая вид, что ищет главную базу с оружием, долго водил их из стороны в сторону, наконец, улучил момент, прыгнул в кусты и был таков.

Все обстоятельства побега хорошо были известны товарищам Лузина. Да и он сам ничего не скрывал. И вот эта-то военная хитрость неожиданно обернулась против Лузина страшным обвинением в предательстве. Вот какие были времена!

Но приостановить исполнение несправедливого приговора мало — надо еще добиться и его отмены. По закону, раз приговор формально вошел в силу, сделать это можно единственным путем — ходатайствовать перед Верховным Советом СССР о помиловании Лузина. Когда мне удалось побывать в Москве (уже в ноябре 1942 года), я имел при себе всю нужную документацию. Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин принял меня, внимательно выслушал.

— Я вижу, вы своих депутатских обязанностей и в партизанах не забываете,— улыбнулся Михаил Иванович.

— Да у меня все они перемешались,— отвечал я.— Где ж тут отделить депутатские обязанности от командирских и от коммунистических? Человек-то один!

Президиум Верховного Совета быстро разобрался в деле Лузина. Он был помилован и полностью реабилитирован. Потом Лузина наградили орденом Ленина... А ведь могло случиться и по-иному, и человек погиб бы с клеймом изменника Родины. Кто поручится, как сложится судьба Сысоева, если мы сейчас отошлем его?

«Нет, нельзя отправлять!» — решил я.

Но имел ли я право решать один? Надо было посоветоваться с Дружининым. Не только как с комиссаром, но и как с членом подпольного обкома партии.

Я посмотрел на часы: пять утра. «Пойду-ка пока прогуляюсь,— подумал я.— А как проснется Дружинин, загляну к нему!»

В лагере тихо. Маячат темные силуэты часовых у стволов деревьев. Чуть шелестят верхушки сосен. Наша ручная козочка Зойка, любимица всего соединения, подбежала ко мне, ткнулась влажным носом в руку... Посмотрел на окна землянки комиссара: еще не светятся. Значит, спит... Шагнул было в сторону и почти столкнулся с самим Дружининым.

— Что так рано поднялся?

— Да я и не спал... Как Чапай, думу думал.

— Какая же это чапаевская дума?

— Да все о нашем генерале. Ох, командир, никак нельзя его отпускать!

Я молча обнял Дружинина за плечи и повел к себе...

Завтракали втроем: я, Дружинин и Павел Васильевич...

Так Сысоев стал третьим помощником начальника штаба соединения. До сих пор таких помощников было два. Но в третьем мы давно нуждались. В задачу третьего помощника входило руководство подготовкой младших командиров.

Повеселел генерал, приободрился. Вскоре он стал принимать участие в разработке тактических планов некоторых крупных и ответственных операций. Но ему этого было мало — он сам рвался в бой.

— Успеете, еще успеете,— говорил я ему.

Весной 1944 года мы наконец поручили третьему помощнику начальника штаба руководство одной из боевых операций. Провел он ее успешно.

Только после встречи с наступающими частями Красной Армии мы распрощались с Павлом Васильевичем. В Москве все же не миновали его кое-какие неприятности. К счастью, они были относительно кратковременны. Выданные Сысоеву нашим штабом документы о всех обстоятельствах его перехода к партизанам и прекрасная боевая характеристика помогли человеку очень трудной судьбы восстановить свое доброе имя. Павлу Васильевичу вернули и партийный билет и генеральские погоны...

Литературная запись
Е. ШАТРОВА.

Я СУДЬБА

Сердечность встречи. (Марсель.)

Вл. ЛЕБЕДЕВ
Фото автора.

ДОБРЫЕ ВСТРЕЧИ

ЛАНДЫШИ

Стремительно набирая скорость, машина миновала Зимний. Никита Сергеевич, видимо, вспоминая свою только что закончившуюся беседу с рабочими домостроительного комбината, задумчиво смотрит на Неву.

— А вы знаете дорогу к ленинскому шалашу? — спрашивает он у шофера.

— Конечно, знаю, Никита Сергеевич! Да кто из ленинградцев не знает, как проехать в Разлив!

— Тогда поедем туда. Давно я не бывал в Разливе. А места там замечательные.

В тот майский день у ленинского шалаша было особенно красиво: нежная зелень деревьев, пересвисты птиц, чистый, напоенный ароматами расцветающей земли воздух...

Молодая женщина рассказывала группе учащихся ремесленного училища об исторических днях Октября, о Ленине. Пионеры с букетиками ландышей тоже слушали рассказ. Вот от стайки ребятишек отделилась светловолосая девочка и бережно положила свои цветы у входа в шалаш. Ее примеру последовали другие, и вскоре душистый ковер нежных ландышей вырос там, где когда-то любил сидеть Ильич.

Ребята не сразу заметили Никиту Сергеевича. Присоединившись к молодежи, он слушал рассказ. Но затем ребятишки окружили его плотным кольцом и сияющими глазенками стали рассматривать дорогого гостя.

— Это вам, Никита Сергеевич! — срывающимся голоском произнесла только что подошедшая девочка, вручая свой букет ландышей Никите Сергеевичу.

— Спасибо, маленькая! — И Никита Сергеевич взволнованно поцеловал русую головку пионерки.

Прошла какая-то минута, и в руках Никиты Сергеевича вырос большой букет ландышей.

— А вы продолжайте, пожалуйста, свой рассказ, я не стану мешать вам,— обратился Никита Сергеевич к прервавшей было беседу женщине.

— Мама! И я хочу. И я... Пустите меня! — послышалось вдруг.

И удивительно деловой маленький человечек в светлом костюмчике, немного сползающих на желтенькие ботинки чулочках, словно вынырнув из группы взрослых, подбежал к Никите Сергеевичу.

— Это тебе, дедушка! — сказал малыш, протягивая цветы Никите Сергеевичу.

Затем так же внезапно, как и появился, он исчез в группе стоявших вокруг людей, а через несколько секунд вновь вынырнул с другим букетом и положил ландыши у входа в шалаш.

— А это я у мамы взял,— доверительно пояснил он, подходя к Никите Сергеевичу.

Заметно волнуясь, Никита Сергеевич ласково обнял малыша, высоко поднял его и, целуя, произнес:

— Какой же ты молодец! Спасибо тебе за цветы. Спасибо...

— А вон еще цветы несут. Это мы их в лесу собирали. Сегодня у мамы выходной...

УГОЛОК МОНМАРТРА

Кто не мечтал побывать в Париже, посмотреть его исторические места — Нотр-Дам, улицу Мари-Роз, кладбище Пер-Лашез, Стену Коммунаров, Эйфелеву башню, Лувр!.. И, конечно, Монмартр — уголок художников, артистов, поэтов и... влюбленных.

Весной 1960 года мне довелось повидать этот неповторимый район Парижа. Здесь отовсюду смотрит на вас старина. Не только архитектура, но даже сама краска на домах кажется следами прошлого столетия, отсветами уходящего Парижа. Но это лишь кажется. Присмотритесь внимательно, и вы увидите, что все здесь тщательно, с большим искусством сработано под старину.

Маленькие кафе со столиками на открытом воздухе. За столиками сидят разноязыкие туристы, приехавшие сюда со всего света. И, конечно, парижане, не обращающие никакого внимания на заезжих иностранцев.

Мы идем мимо уютных кафе и множества лавчонок, в которых продают всякую всячину: книги, предметы домашнего обихода и картины, картины, картины...

Вот у рисунков и холстов сидит небритый человек в поношенной одежде и стоптанных туфлях. Старый художник, у которого все в прошлом. Безразлично смотрит он на толпы любопытных туристов. И вся его фигура, весь облик его, отсутствующий взгляд говорят: все минуло. Остались лишь рисунки, картины, которых никто не берет.

И как бы усиливая это впечатление, невдалеке сидит картинно красивый молодой человек, тоже художник. Белоснежный воротничок рубашки оттеняет смуглость его лица, черную испанскую бородку. И одежда его — серый вязаный жилет, синие брюки, модные сапожки — все кричит о молодых надеждах. Он тоже не обращает внимания на заезжих людей, глазеющих и на его картины и на него самого. Увлеченный беседой с девушкой, он, кажется, забыл все на свете. И опять это лишь кажется. Присмотритесь — и вы увидите, как, не прерывая беседы, молодой художник изучающе оценивает приходящих: нет ли среди них стоящих клиентов?

Поспешно делаю несколько снимков, стараясь запечатлеть контрасты Монмартра...

Старый художник лукаво улыбается. Не спеша он встает с дощатых ящиков, которые служат ему стулом, и подходит к нам.

— Месье! Вы, наверное, подарите мне два франка. Страшно хочется выпить,— говорит он.— Думаю, что вы понимаете,— это на память о вас, как ваши снимки будут памятью обо мне...

Получив пятифранковую бумажку, он небрежно засовывает ее в карман и бесстрастным тоном продолжает:

— Конечно, моих картин вы не приобретете. Нынче они не в моде. А писать по-теперешнему я не могу, да и не хочу, господа. Желаю вам приятных впечатлений. Желаю...

Устало, словно обремененный непосильным грузом времени, он бредет к своим ящикам и опять надолго погружается в невеселые думы.

Мне уже не хочется фотографировать. Над Монмартром плывет печальная песня. Она вплетается в другие мелодии, летящие из соседних кафе.

Вот он, уголок старого Монмартра. Уголок мира «свободных» художников и «свободных» музыкантов.

Таким я увидел Монмартр. Таким он навсегда остался в моей памяти.

ЛЕНИНСКИЙ ЗНАЧОК

С этими мальчиками я повстречался в самом центре Дели. В тот полуденный час на улицах было людно и шумно. Отчаянно сигналя, сновали машины, тысячи людей спешили куда-то по своим делам, уличные торговцы крикливо расхваливали свои нехитрые товары. Соленый зной царил над городом.

Маленькие индийцы стояли у колонны огромного магазина, робко посматривая на проходящих людей. Два малыша, одетые в тряпье. Нет, они не просили подаяния, а просто смотрели на прохожих и сверкающие машины.

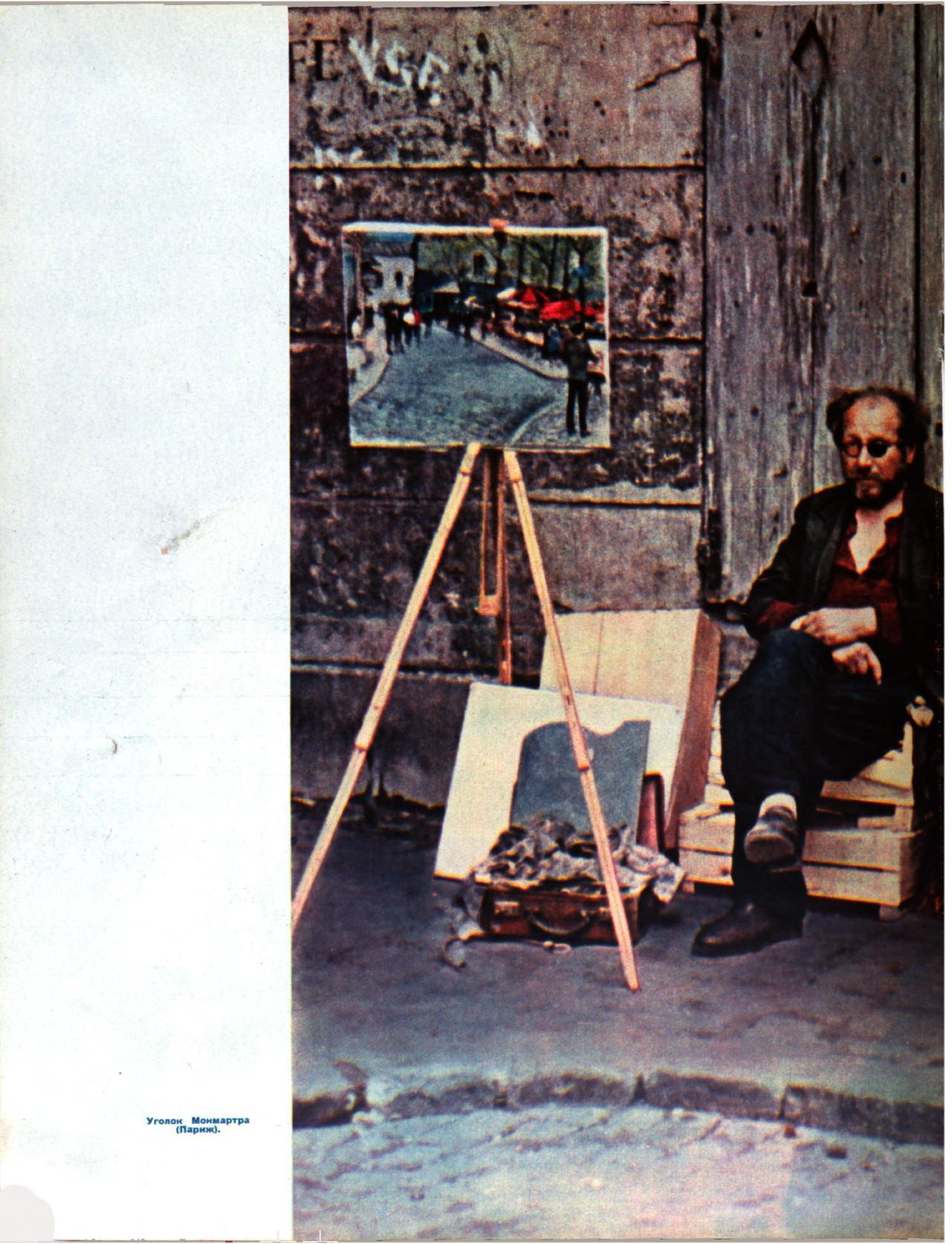
Увидев, что мы, вооруженные фотоаппаратами, приближаемся к ним, мальчики юркнули за колонну, но вскоре появились вновь.

Не зная языка, я жестами попросил у мальчиков разрешения сфотографировать их. Они опять спрятались за колонну, но так, что мне были видны их симпатичные мордашки с живыми, выразительными глазами.

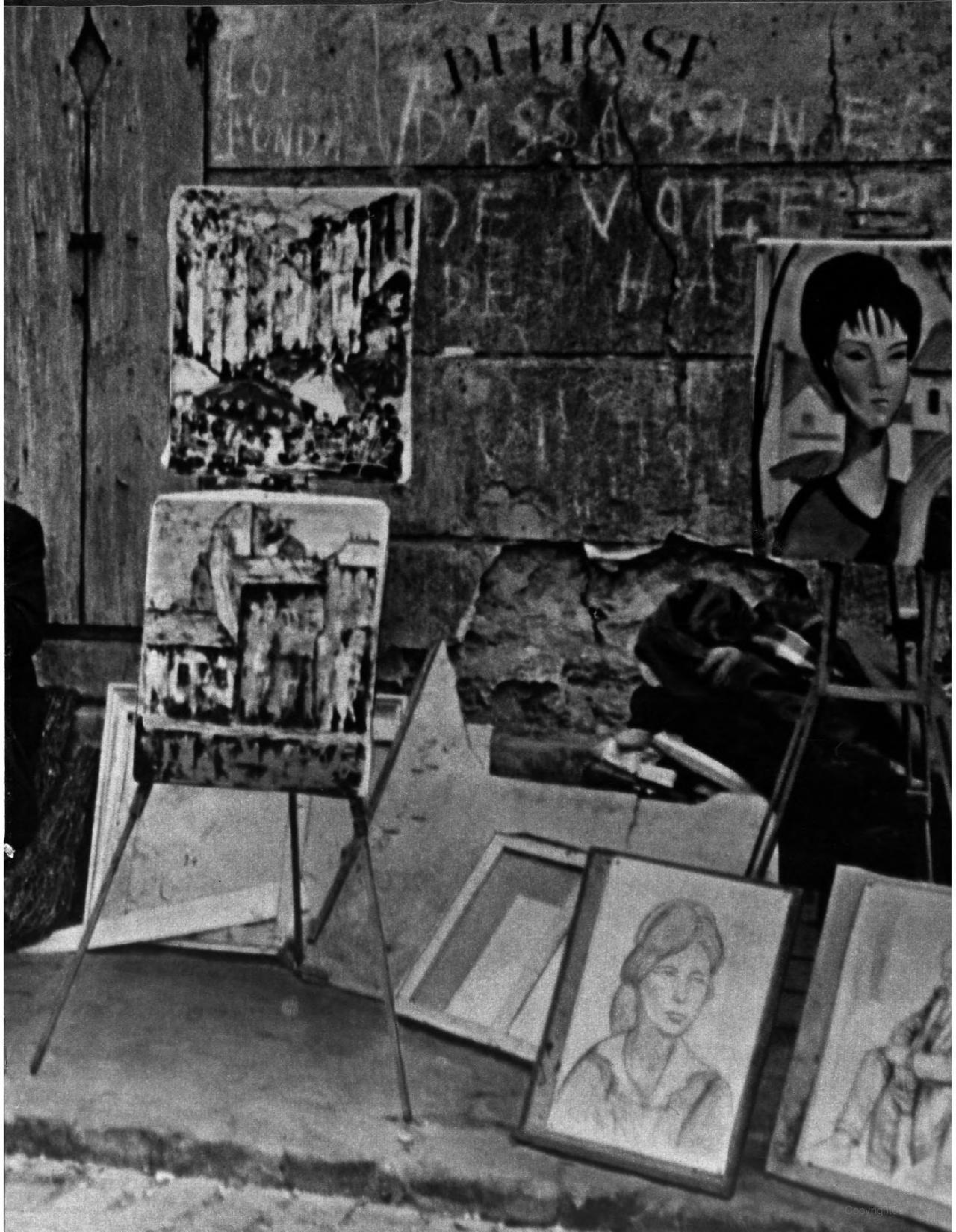
Мальчики о чем-то заспорили, и вскоре я понял, что причиной их спора была моя просьба. Малыш постарше, показывая пальцем на

В Разливе, у ленинского шалаша.
Фото Вл. ЛЕБЕДЕВА.

Уголок Монмартра (Париж).

D'ASSASSINE

М. А. Шолохов.

Почетный доктор права Сент-Эндрюсского университета. Шотландия.

Братские объятия героев космоса (Ю. А. Гагарин и А. Г. Николаев).

карман своей рваной рубашки, что-то доказывал другу. До меня доносились его слова:

— Руси, руси...

И опять он приложил руку к левой стороне рубашонки, а затем кивнул в мою сторону.

— Может быть, они спорят о моем значке,— подумал я и посмотрел на ленинский значок, который ярким огоньком алел на груди.

Мальчики вышли из своего укрытия и стали у колонны, давая понять, что они готовы позволить себя сфотографировать. Я сделал два снимка и опустил аппарат. Мне почему-то верилось, что хоть один из этих снимков будет удачным.

Малыши придвинулись ко мне, желая поближе рассмотреть ленинский значок.

Невольно моя рука протянулась к лацкану пиджака, отстегивая значок. Я протянул его мальчикам. Они испытующе смотрели на меня, затем взяли значок и стали еще более внимательно рассматривать его.

Нехотя, превозмогая огромное сожаление, мальчик протянул мне ладошку с лежащим на ней значком. Я отрицательно покачал головой, давая понять, что дарю его.

В глазах мальчиков засветилась непередаваемая радость. Они опять стали о чем-то совещаться, а затем выжидательно смотреть на меня.

— Видимо, они хотят, чтобы ты дал им немного денег,— сказал мой спутник.

У меня были две серебряных рупии, и я дал их малышам.

Мальчик, который взял монеты, внимательно осмотрел их и разочарованно протянул обратно.

— Нет, это тебе, тебе. На память,— стал уговаривать я мальчика.

Но ему, видимо, очень хотелось получить значок, и он настойчиво возвращал серебряные рупии.

— Пойми, малыш, у меня нет второго значка, нет. Если бы был, разве я не дал бы тебе значок? Конечно, дал! — убеждал я мальчика, совершенно забыв, что он не понимает моих слов.

С того дня прошло четыре года. Но я до сих пор не могу забыть печальных глаз индийского мальчика, страстно желавшего получить на память о встрече с русским человеком сверкающий силуэт Ленина.

Обездоленные колонизаторами (Индия).

ЛЮДИ И МИР

Сосны шумят...

Фото Вл. Лебедева.

Шумят сосны. Вольный ветер ворвался в чащу, и заговорил, загудел старый бор, зашелестели вершины деревьев, засеребрилась хвоя в бледных лучах солнца. Беззвучно струится по лесу холодный голубой свет, и в его сиянии еще краше предстает перед нами русская природа...

Этот тонкий по цвету и состоянию пейзаж — фотография. Одна из ста тридцати пяти, представленных на фотовыставке Владимира Семеновича Лебедева, открытой в Москве, в выставочном зале Союза художников.

Вл. Лебедев — журналист. Его творчество — неустанный поиск, стремление запечатлеть удивительное наше время.

●

Туркмения. Выжженная солнцем солончаковая степь. Привал. Дремлют верблюды. Дремлет и невесть каким чудом добредший до стоянки белый пес. Жара сморила его, и он прикорнул в тени лежащего верблюда, единственной мало-мальской тени на сотни километров кругом. Зной, безлюдье. Кажется, что нет сил, способных сломить злое упорство пустыни.

...Ажурные мачты буровых вышек, тонкие нити стальных тросов, металлические конструкции взорвали немой пейзаж Небит-Дага. Пустыня покорена. Покорена человеком.

«На привале» и «Новый облик пустыни» — две небольшие цветные фотографии, но как весомо рассказывают они о многом.

На выставке представлены пейзажные работы. Все они отличаются простотой и ясностью решения. Автору чужды эффекты, часто привлекающие художников и тем более доступные фотообъективу.

Этюды Вл. Лебедева правдивы и лиричны.

●

Глубоким уважением к человеку отмечены портреты. Перед зрителем проходит галерея людей из разных стран, самых различных профессий. Но кого бы ни изображал автор: чабана из Таджикистана или героев космоса — Юрия Гагарина, Валентину Николаеву-Терешкову,— индийских крестьян из далекого Суратгарха, русских писателей Константина Федина и Сергея Михалкова или старого французского художника,— всем этим образам присуща одна общая черта — человечность.

Одним из лучших на выставке нам представляется публикуемый на цветной вкладке портрет М. А. Шолохова. Лукавый, чисто шолоховский прищур глаз. Народность, простота, мудрость в каждой черте лица любимого писателя. Портрет очень сдержан по колориту. Он решен в бархатистых коричневых тонах.

Интересен по цвету портрет «Юноши с луком». Будто кованный из золотистого металла, глядит на нас гордый юноша из солнечной Индонезии. Великолепен его наряд, повязка, украшенная перьями. Гамма фотографии светла и мажорна.

●

«Добрые встречи». У дороги на белых горячих конях всадники в высоких косматых шапках. Они ждут дорогого гостя, полны нетерпения. Один из всадников привстал на стременах,— едет, едет...

Добрые встречи — вот основная тема выставки. Перед нами как бы проходит панорама поездок Никиты Сергеевича Хрущева.

Вл. Лебедеву довелось сопровождать главу Советского правительства в поездках по стране и по разным континентам. На выставке мы видим лишь небольшую часть фотолетописи, созданной автором. Но то, что экспонировано, впечатляет и доставляет чувство радости.

...Франция ликует. Народ радостно встречает Н. С. Хрущева. На фотографии отражена атмосфера искренности и дружбы. Десятки людей в кадре приветствуют нашу делегацию.

...Нью-Йорк, Гарлем. Тесный номер гостиницы «Тереза». Первая встреча Н. С. Хрущева с Фиделем Кастро. Непередаваемо выражение лица героя Кубы, ведь он впервые говорит с главой государства Советов.

Запоминаются фотографии встреч Н. С. Хрущева с Яношем Кадаром, Вальтером Ульбрихтом, У Таном, Джоном Кеннеди...

Убежденность, уверенность в победе правого дела, простота, народность и юмор — эти качества Никиты Сергеевича Хрущева нашли яркое отражение в серии фотографий «Дело мира, дело коммунизма непобедимо!»

Широко известна фотография «Миру — мир!», на которой изображен Н. С. Хрущев с белым голубем мира.

...Мерно колышутся спелые колосья кубанской пшеницы, тянутся к солнцу янтарные пестики цветов, смеются детишки, величественно высятся древние храмы Боробудура. В тени огромных деревьев стройная девушка кормит голубей.

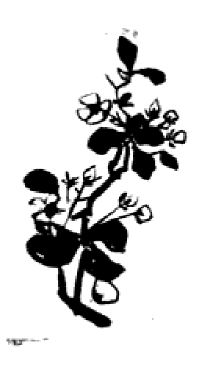
— Мир!

Эта тема звучит во многих этюдах автора. Работы Вл. Лебедева говорят о зрелости его дарования, о добром видении жизни.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

Подмосковные тропинки

А. КОВАЛЕНКОВ

1

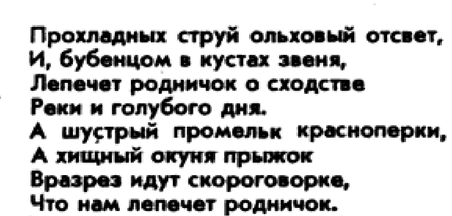
А ты не думай, не гадай
И не бери у жизни лишка.
— Пришел веселый месяц май,—
Поет молоденький парнишка.

Пришел, ушел... оставил след,
Прозолотил поля далёко...
Не осыпайся, вишен цвет,
Не отцветай, сирень, до срока.

2

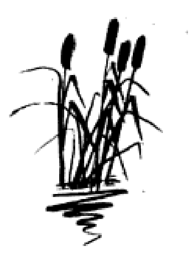
Семь человек — семья погибла.
Легли поспать да так и спят...
Германский, крупного калибра,
Разнес укрытие снаряд.

И вырос клен на этом месте,
А подмосковные овсы
Грустят, не думая о мести,
В рассветных сполохах росы.

3

Прохладных струй ольховый отсвет,
И, бубенцом в кустах звеня,
Лепечет родничок о сходстве
Реки и голубого дня.
А шустрый промельк красноперки,
А хищный окуня прыжок
Вразрез идут скороговорке,
Что нам лепечет родничок.

4

Любовь прошла и след простыл.
Нет, не простыл! По всей округе
Зарей подожжены кусты,
Лес из огня вздымает руки,
Пылают лужи и пруды,
Обломки радуг на дороге...
Твои горячие следы,
Мои тревоги.

5

Одуванчиком луг зарос,
А за ним березняк в долине,
А за ним быстрой речки плес,
Норы ласточек в красной глине.
Ну, а дальше болотца ртуть,
Камыша и осоки тени,
Впечатлений простых ступени,
К звездам взлет и обратный путь.

6

Пригодится кому-нибудь это
Утро бабьего лета,
Красным шелком по желтому шитые
Листья жимолости, ракиты;
Ну и та полевая дорожка,
По которой я в детство шагал,
И, казалось, осталось немножко,
Только вечер внезапно настал.

7

— Ну что ж, на елку, дядя, лезь,—
Дает мальчишка мне совет.
— Ты белый свет увидишь весь,
А может быть, и Новый свет,
И океан, и Млечный Путь,
Вселенной всей обличие...
И я подумал: он чуть-чуть
Преувеличивает.

А. КИКНАДЗЕ

Фото Л. Бородулина и Б. Светланова.

У Анатолия Рощина три увлечения: борьба, автомобиль, рыбалка. На ковре он напоминает героя древних мифов, за рулем — героя из «Адских водителей». На себя же он больше похож, когда ловит рыбу. Кажется, это самые сладостные минуты в его жизни. Он может долго-долго не отводить глаз от поплавка. Он будет снисходительно выслушивать ваши советы, и вы можете безнаказанно высказать все, что думаете по этому поводу. Согласитесь, что в жизни у такого человека должен быть ангельский характер.

А каков он на ковре? Он начинает неторопливо, размеренно. Он любит приглядеться к противнику, ощутить его. И пока идет эта разведка, Рощин как бы включает в работу неведомый орган чувств, который бесстрастно собирает информацию о противнике. И когда противник рассказал о себе все, что хотел знать Рощин, на ковре вдруг появляется новый борец — решительный, смелый, энергичный, показывающий, как много красивого в классической борьбе.

* * *

1962 год, город Толидо, США. Последняя схватка чемпионата мира. На ковре — венгр Козма и чемпион ФРГ Дитрих. Если будет ничья, чемпионом мира станет мой друг Рощин. Если же победит Козма, золотая медаль достанется ему.

До конца схватки минуты четыре. Пока ни одного приема. Дело идет к ничьей.

Рощин говорит мне:

— Я не гимназистка, но смотреть больше не могу. Пойду погуляю.

— Пойдем вместе.

— Нет, ты, пожалуйста, далеко не отходи. Я буду смотреть на тебя. Если стану чемпионом, махнешь рукой. Хорошо?

Рощин остается один. Я знаю, что он в эту минуту или что-нибудь напевает, или читает вполголоса Есенина. Вернее всего, это:

«Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли».

Есенин — его поэт, Рязань — его край, а эти строки — его любимые строки.

Те, что на ковре, прерывисто дышат. Один чуть не на голову выше другого. В Козме килограммов 150. Дитрих легче примерно на 40. Но он смело ведет борьбу. Не раз приходилось видеть, как прежние противники Козмы все десять минут жили на ковре одной заботой — не проиграть бы на туше. Выиграть у него, кажется, невозможно. Но значит ли это, что он обязательно должен быть первым? У Рощина с Козмой ничья. Теперь все решит одно-единственное очко.

Осталось совсем немного. Ни один из противников не провел ни одного приема. Секундная стрелка огромных часов «Лонжин» неторопливо бежит по кругу. Рощин ждет моего сигнала. И вдруг судья прерывает схватку. Рефери обходит боковых судей, и двое из них кивают ему в ответ. Рефери поднимает руку Дитриха. Это значит, что немец получил предупреждение, а с ним — роковое штрафное очко. Это значит, что Рощин второй... Я слышал, что Рощин, работая грузчиком, переносил на пари кипу кровельного железа весом в 320 килограммов. Мне показалось, что неприятная весть легла на его плечи куда более тяжким грузом...

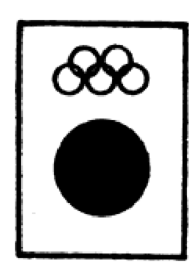
Через год мы встретились снова. В Швеции, на чемпионате мира.

В Хельсингборге, курортном городке, собрались все те же старые знакомые. Но были среди соперников и новички — турок Аксу, американец Рашке.

Многообещающие победы над Аксу и Дитрихом, великолепный бросок, увенчавший встречу с чехом Кубатом, скучная для зрителей, но желанная для тренеров ничья с чемпионом мира Козмой были прелюдией к заключительному дню чемпионата, требовавшему особой рассудительности, выдержки и удали.

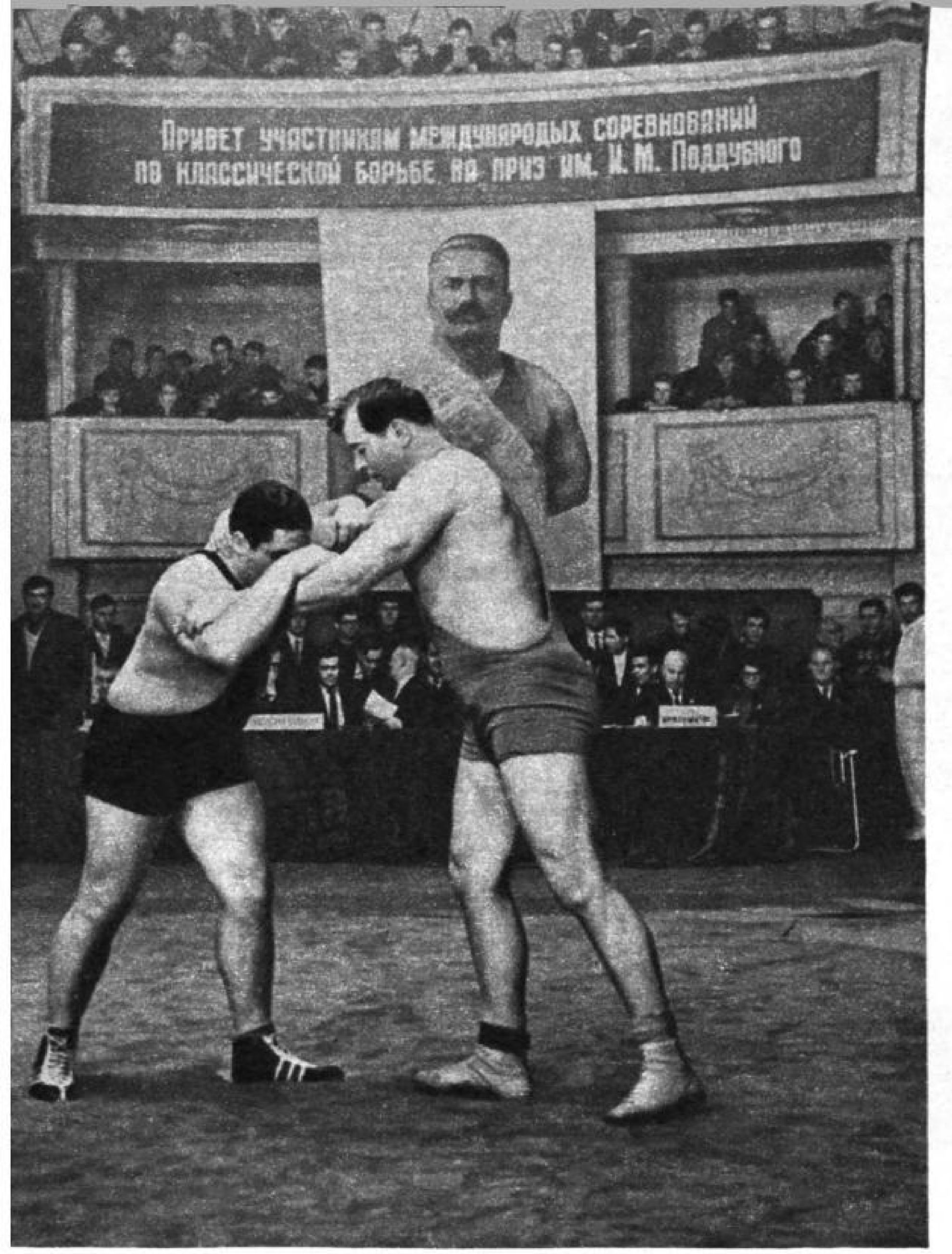
Рощину необходима чистая победа над американцем Рашке. Тогда ему достаточно ничьей в последней встрече со шведом Свенссоном. Свенссон — любимец публики. Тихие и невозмутимые зрители преображаются, когда на ковер выходит их кумир. В такие минуты шведы ревут и стонут. Стрекочут кинокамеры и трещотки. Звучат трубы и пожелания разделаться с противником. Такая наэлектризованная обстановка может повлиять на самого закаленного и честного судью. Надо быть готовым ко всему.

Надо класть Рашке. Рашке — это американский «ежик» плюс упрямство. Нет, сперва упрямство, потом прическа «ежик». Накануне Козма бросал его раз шесть, ставил на мост и, казалось, вот-вот припечатает к ковру. Но Рашке, к удивлению публики и еще большему удивлению Козмы, угрем выполз из объятий могучего венгра, отфыркивался, стряхивал капельки пота со лба и, словно бы стряхнув вместе с ними усталость

НАСЛ
П

На ковре — чемпион мира А. Рощин (справа).

и неприятные воспоминания о только что пережитом, снова шел вперед.

Рощин начал встречу с американцем так же, как начинает встречи вообще,— неторопливо, размеренно, а через четыре минуты Рашке оказался на лопатках. И все же это еще не победа: по новым правилам, недостаточно бросить соперника просто на лопатки, его надо припечатать в полном смысле этого слова, продержав на лопатках не менее двух секунд. Вот почему схватка продолжалась. Рощин установил своеобразный рекорд чемпионата: выиграл у Рашке 13 очков, но чистой победы так и не достиг. Теперь надо добиваться победы над шведом, теперь ничьей мало.

...За несколько минут до того, как Рощин должен был выйти на финальную встречу со Свенссоном, я пришел к нему в раздевалку. Увидев меня, он усмехнулся и вытащил из чемоданчика матросскую тельняшку. «Жаль, что в ней нельзя выйти на ковер». Толя Рощин уже давно распростился с морем, но куда бы, в какие края, на какие соревнования он ни уезжал, с ним всегда матросская тельняшка. Она напоминает о дальних походах, о борьбе с минами, которые вылавливал он, морской минер.

Несколько дней назад мы бродили по Хельсингборгу. У входа в городскую ратушу Рощин увидел огромную круглую мину: видимо, еще в годы первой мировой войны ее выловили у самого берега, обезвредили и водрузили на постамент. Рощин внимательно разглядывал огромный шар. Вот как получилось: раньше он боролся с минами в море, а теперь — с атлетами на ковре.

— Что же легче?— спрашиваю

ния. Но каждый в свите Свенссона знает, что завтра эти снимки обойдут все газеты, поэтому каждый хочет быть рядом с ним, поэтому с лиц не сходят улыбки.

Не улыбается только Свенссон. Он сосредоточен. Для него сейчас все в этом четырехугольнике ковра. Победа даст ему не только звание чемпиона. Она принесет ему славу — капитал на старость. Когда он уйдет из борьбы, имя его до конца дней будет приносить доход. Для этого осталось одно — победить русского, того самого, который выходит неторопливой матросской походкой к противоположному углу ковра.

Итак, тактический план схватки таков: в первые пять минут измотать шведа, не дать ему возможности хоть на секунду передохнуть, держать его в неослабном напряжении.

...К исходу пятой минуты по глазам и по тяжелому дыханию Свенссона Рощин чувствует, что все в порядке, что все идет как надо.

...Борцы обхватили друг друга. Рощин замер, словно бы собираясь с мыслями. В это мгновение он был похож на сказочного великана, который обхватил вековой дуб, чтобы с корнем вырвать его. «Ап!..» В следующую секунду взлетели вверх все сто тридцать свенссоновских килограммов, и пятки шведа, описав едва ли не идеальную кривую, приземлились вслед за туловищем своего хозяина. По залу пробежал стон. Дуб вырван, но на лопатки не положен, и борьба продолжается в партере, а затем снова в стойке. Рощин делает вид, что вполне удовлетворен только что выигранным очком, что большего ему и не надо. А сам ждет, ждет каждым мускулом и нервом

ЕДНИК ОДДУБНОГО

Анатолий Рощин — победитель международного турнира на приз Ивана Поддубного. Слева от него — чехословацкий борец Петер Цмент, справа — болгарин Радослав Касабов.

я Рощина, и он мне в тон отвечает, улыбаясь:

— С минами!

На флоте Рощин и сдружился десять лет назад с борьбой. Там он нашел своего первого учителя — известного нашего мастера, чемпиона Европы 1947 года Николая Белова.

Белов учил его самостоятельности: «Я могу дать тебе только основы. Остальное — от тебя»,— а потом другие тренеры — Алексей Николаевич Струженцев в Ленинграде и Вячеслав Петрович Кожарский — тренер сборной СССР — помогали Анатолию Рощину пройти весь этот путь к шведскому городку.

...Свенссон выходит на ковер в сопровождении длинной свиты тренеров, репортеров, администраторов. Юпитеры высвечивают дорогу перед ним. Фоторепортеры окружают его светящимся кольцом. Тренеры делают вид, что не обращают на них внима-

ответного выпада. Он должен последовать — сейчас, вот сейчас швед попробует... И швед пробует, но Рощин безжалостно рушит его надежды. «Передний пояс», исполненный им по всем правилам, мог бы послужить хорошим учебным пособием для молодых борцов.

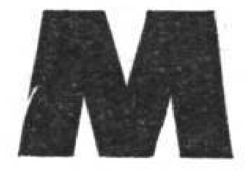
Теперь у Рощина три выигранных очка. Свенссон едва стоит на ногах — это часто бывает в боксе, но редко в борьбе,— и когда судейская сирена извещает о конце схватки, уже всем ясно, кто чемпион мира.

В Хельсингборге Анатолий Рощин завоевал не только золотую медаль, но и сделал заявку на поездку в Токио, на XVIII Олимпийские игры, а затем подтвердил свое право, став чемпионом Спартакиады народов СССР и победителем международного турнира на приз Ивана Поддубного.

У великого русского борца — достойный наследник!

Профессор В. КОВАНОВ,
член президиума Советского
комитета защиты мира

ОТ АНДОВЕРА

ы летим в Америку. Мы — это делегация Советского комитета защиты мира: украинский писатель Вадим Собко, публицисты Владимир Парамонов и Игорь Михайлов, деятели Комитета мира Олег Быков, Алла Бобрышева и автор этих строк. Нас пригласил Американский комитет ненасильственных действий, который уже несколько лет возглавляет Абрахам Джон Масти, известный общественный деятель, ищущий решения мировых конфликтов в духе Толстого и Ганди. Пока мы летим, я вспоминаю предыдущее посещение Америки немногим более года назад.

Городок Андовер, где происходила та памятная встреча, пожалуй, и не сыщешь на карте Соединенных Штатов: это пригород Бостона. Мы были в Андовере в дни обострения кризиса в Карибском море. Заседания проходили в небольшом зале старого колледжа, в комнате, стены которой были облицованы панелями темного бука. Со стен смотрели на нас портреты первых ректоров этого учебного заведения, в париках и мундирах времен Георга Вашингтона. Разговор тек неторопливо, в спокойном, я бы даже сказал, академическом тоне. Обе стороны старались не касаться того, что нас разделяло, и искали пути, на которых мы можем договориться.

Обстановка для диалога о взаимопонимании, о культурных, научных и иных контактах, который велся в актовом зале андоверского колледжа, была, мягко выражаясь, малоподходящей. И все-таки мы продолжали собеседования. Когда сопредседатели наших совещаний — известный общественный деятель, владелец и редактор журнала «Сатердей ревю» Норман Казинс и видный советский ученый академик Евгений Федоров — поставили на голосование вопрос: стоит ли продолжать наш диалог,— обе стороны единодушно проголосовали за продолжение. И в этом еще раз победил дух времени, стремление народов к миру.

Вот об этой встрече я все время и думал, когда снова в этом году пересекал с востока на запад океан на большом лайнере. Со дня андоверской встречи прошел год с небольшим. Но как много он вместил! Установлена прямая телеграфная связь между Кремлем и Белым домом. Подписано соглашение об использовании космического пространства в мирных целях. Исторический Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах поддержан народами мира.

В серой мгле, как гигантская груда кристаллов, вырисовываются небоскребы Манхэттена. Разворот, еще разворот — и вот мы уже приземляемся на новом нью-йоркском аэродроме, которому теперь присвоено имя президента Кеннеди. Сразу же оказываемся в толпе друзей, по приглашению которых мы прилетели. Знакомые и незнакомые улыбаются нам. Рукопожатия, объятия. Короткая дружелюбная пресс-конференция. Машины несутся по шоссе, по ущельям нью-йоркских улиц.

Господин Масти знакомит нас с программой пребывания.

— Вам скучать не придется. Времени для работы предусмотрено много, но для сна и отдыха мало. Мы, капиталисты,— шутит он,— умеем эксплуатировать даже друзей.

Утром мы выехали в Филадельфию. Как «с корабля на бал», мы попали в здешний женский комитет Лиги борьбы за мир и свободу. Кроме хозяев дома, женщин, здесь оказались представители многих антивоенных организаций. Похоже было, что именно приезд советских сторонников мира послужил поводом для того, чтобы они встретились все вместе и начали разговор о совместных действиях.

Разбившись на две части, делегация направилась на разные митинги, один из которых был организован в городской библиотеке, а другой — в пригороде Йорк. Оба митинга были многолюдными. Помещения оказались забитыми. Немало людей стояло в дверях и даже в коридорах. Нас слушали с интересом. И мы чувствовали, что наши слова о необходимости полного контролируемого разоружения, о договоре между странами НАТО и Варшавского пакта, об объявлении атомного оружия вне закона, о расширении культурных обменов и торговли — обо всех этих важных политических принципах, за которые давно уже борются советские сторонники мира,— эти слова находили в американской аудитории сочувствие и понимание.

Особое впечатление произвело выступление Вадима Собко. Гремя костылями, этот высокий, могучий украинец подошел к микрофону.

— Нас тут уже много раз спрашивали: почему мы, советские люди, с тревогой смотрим на то, как вооружается Западная Германия, и в особенности теперь, когда она уже тянет руку к атомному оружию,— сказал он.— Почему вас это так пугает? — спрашивают нас. Слово «пугает» тут ни к чему. Мы не боимся, нет. Мы не умеем бояться. Мы просто не хотим, чтобы четвертое поколение немецких реваншистов вновь развязало мировую войну, от которой пострадают и они, и мы, и вы, и вся культура... Можете верить мне, старому советскому солдату, который выпрыгивал из горящего танка и под Берлином похоронил свою ногу.

...Его провожали щедрыми аплодисментами. Потом начались бесконечные вопросы. Разные это были вопросы, иногда даже смешные. Спрашивали, например: красят ли советские женщины волосы, и в какой именно цвет, курят ли советские студентки? Издается ли у нас порнографическая литература, и как мы относимся к тому, что таковая, увы, издается здесь? Происходила цепная реакция: одни вопросы рождали другие, и любопытство наших собеседников казалось просто неуемным.

На следующий день все мы были приглашены к исполняющему обязанности мэра Филадельфии Фредерику Манну. Этот коренастый, живой, широкоплечий человек бывал в Советском Союзе. Знаком с Москвой, Ленинградом. Он охотно делился с нами своими впечатлениями, рассказывал о встречах с советскими государственными деятелями, с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

— Ваш премьер не только мудрый государственный деятель, но веселый и остроумный человек. Мы, американцы, это очень ценим. Он произвел на меня самое хорошее впечатление.

По приглашению мэра мы осмотрели Филадельфию, прекрасные парки этого города, познакомились с большим строительством, которое ведется на окраинах. Посетили мы и здешний музей живописи, считающийся в Америке одним из лучших. В самом деле, он обладает отличными коллекциями картин старых мастеров. Но много места занимает так называемая «новая», модернистская и абстрактная живопись.

Мы равнодушно шли по «новым» залам. Стайка школьников, веселая и шумная, ходила здесь. Я заинтересовался, чем привлекли внимание ребят эти бесформенные кляксы на полотне и бумаге, скульптуры, отдаленно напоминавшие мне, хирургу, анатомические атласы и муляжи. Оказалось, что у ребят шла своеобразная игра: они «отгадывали» эти картины и скульптуры, как ребусы, как кроссворды. Им было явно весело.

Наше пребывание в Филадельфии запомнилось мне еще и очень дружественным приемом в семье профессора Бодде — видного специалиста по истории Востока. Среди его гостей был выдающийся американский философ профессор Данэм, книги которого выходили у нас и знакомы советскому читателю. В частности, большой интерес представляет его труд «Гигант в цепях», изданный в Советском Союзе в 1958 году с предисловием академика П. Федосеева. В годы маккартизма Данэм был изгнан из университета, лишен кафедры и имя его долго трепали в газетах. Но ученый мужественно вынес все это, не отказавшись от своих убеждений.

И вот он сидит перед нами, огромный, слегка сутуловатый человек, с высоким лбом, с чуть подслеповатыми голубыми глазами и курит трубку. Слушает, и мягкая детская улыбка блуждает по лицу. Ни слова о бедах, которые ему довелось перенести. Ни слова о своих книгах и своей славе. Он больше слушает, чем говорит. В конце беседы он произносит коротко:

— Наши народы должны, черт возьми, найти общий язык! Должны договориться, стать хорошими соседями. Иного выхода нет.

Эти фразы звучат как-то особенно веско.

О Вашингтоне говорят и пишут, что это город чиновников, чопорный и холодный. Я позволю себе не разделить этого мнения, укоренившегося в литературе и публицистике. Мне Вашингтон показался, наоборот, уютным, неторопливым и, пожалуй, больше, чем какой-либо другой город Америки, похожим на европейские города. Здесь нет суеты и азарта. Нет обычной американской взвинченности — люди ходят спокойно, не спеша, почтительно уступают дорогу. Впрочем, это, может быть, поверхностное мнение, ибо в столице Соединенных Штатов мы были недолго, и время наше было целиком занято встречами с американскими коллегами по борьбе за мир и митингом-дискуссией, происшедшим в одной из местных церквей.

В воскресный день, дождливый и очень ветреный, мы поехали на Арлингтонское кладбище в Вашингтоне возложить венок на могилу президента Джона Кеннеди. Первое, что мы увидели, приблизившись к кладбищу, как бы спрятавшемуся под сенью старых деревьев, была длинная молчаливая очередь. Она начиналась у подножия холма и извилисто тянулась к его гребню. Тут же, как по беспроволочному телеграфу, стало известно: приехали русские. Нас пропустили вперед. Шли вдоль очереди и все время слышали за собой: «Рашен, рашен». Нам уступали дорогу. Мы чувствовали, что все эти американцы смотрят с большой теплотой на нас, советских людей, пришедших отдать дань уважения их злодейски убитому президенту. Возлагаем венок, на миг застываем в траурном молчании. Только щелкают фотокамеры и жужжат киноаппараты репортеров. Медленно удаляемся, унося в памяти эту простую могилу под голыми деревьями. Синий огонь день и ночь горит на дне чаши. Очередь озябших людей провожает нас глазами, и мы опять слышим: «Рашен, рашен»...

А через час мы беседуем с двумя американскими сенаторами — Френком Черчем из штата Айдахо и Джорджем Макковеном от Южной Дакоты. Оба дружелюбны и гостеприимны. Черч энергичный, сангвинический, средних лет мужчина напористо говорит:

— Я полностью поддерживаю курс на мирное решение всех сложных политических проблем, взятый Джоном Кеннеди. Сегодня это единственно правильный курс. Мы должны развивать отношения между нашими странами. Мы соседи, а у нас в Айдахо говорят: «Добрый сосед — большое благо». Это ведь правда.

В Вашингтоне, как и во многих других городах США, мы гости активистов пацифистских комитетов. Олег Быков и я приглашены в семью молодого доктора Симкингса Вильямса. Жена его работает воспитательницей в частном пансионе. У них чудесный трехлетний мальчик. По всему чувствуется, что эта семья живет в большой дружбе и любви. Приятно было провести немногие часы отдыха в этом уютном домике. Скромно обставленная, без претензий на роскошь квартира. Много книг по медицине, философии и общественным наукам, много игрушек в комнате мальчика, причем нет ни одной, которая напоминала бы оружие. Больше всего зверей и птиц.

Хозяйка дома — активная деятельница движения «Женщины, боритесь за мир!» — негодует по поводу того, что детские магазины завалены игрушками, пропагандирующими войну. Ее огорчает, что телевидение часто показывает для детей фильмы об убийствах и всякого рода насилиях.

В воспитании малыша ей помогает муж, который разделяет ее взгляды и помогает выполнять общественные поручения. Сам он занят больше всего своим профессиональным делом и ведет интересные исследования по физиологии нервной системы. Знает труды советских физиологов И. П. Павлова, П. К. Анохина.

Из столицы Соединенных Штатов мы вылетаем на юг, в город Атланту. Американский юг! Мы знаем о нем, о его жизни, о его людях, о заботах и проблемах главным образом по произведениям Марка Твена, Эрскина Колдуэлла, Джона Стейнбека и других здешних писателей. Туристские маршруты тщательно обходят южные штаты. Советским людям, как правило, доступа туда нет. Мы знаем о современных трагедиях американского юга в основном из газет.

ДО САН-ФРАНЦИСКО

Атланта — обыкновенный американский город средней руки. Прямые улицы, масса реклам. Вереницы машин, стоящих возле колонок, со счетчиками платы за постой, будто лошади у ясель. В центре маленький пучок низеньких небоскребчиков. Но мы приехали в Атланту как раз в момент, когда Комитет ненасильственных действий студентов-негров развертывал энергичную борьбу против сегрегации. Повод—отказ некоторых содержателей ресторанов допускать цветных в свои заведения. Борьба уже идет. По городу носятся машины с пикетчиками, протестующими против сегрегации. У входа в одну из церквей — большой и шумный пикет. Оказывается, сюда посмели войти священник-негр и несколько других негров. Белые молельщики вышвырнули их: знай, черномазый, где богу молиться! Молодежь, естественно, возмутилась, и вот пикеты.

Один из новых знакомых рассказывает нам, что местная небольшая тюрьма сейчас переполнена. Туда втиснули больше трехсот человек, горячо протестовавших против сегрегации. В небольшой камере десять — пятнадцать заключенных. По очереди спят на полу вповалку на двух-трех тюфяках. Против демонстрантов и пикетчиков часто пускают в ход дубинки, слезоточивые газы. Не помогает. Напряжение борьбы таково, что все эти меры лишь поощряют сопротивление.

То тут, то там в городе возбужденные группы студентов. Пучки плакатов. Это копятся силы новых и новых демонстраций, организуемых Комитетом ненасильственных действий.

Наши хозяева сводили нас туда. Комитет помещается в двухэтажном домике из четырех комнат. Стены сплошь оклеены антирасистскими плакатами, карикатурами. Сатирические стихи написаны прямо на обоях. По лестнице вверх и вниз торопливо снуют девушки и молодые люди в синих брезентовых комбинезонах. Дежурная по комитету — хорошенькая негритянка — не смогла обменяться с нами и двумя фразами: телефон беспрерывно звонил. Не отрываясь от аппарата, громко смеясь, кричит нам и кому-то в трубку: «Мир! Дружба! Мир! Дружба!» — весь свой запас русских слов. Чем-то живым, молодым пахнуло на нас в этом домике, и почему-то вспомнились нам картины времен Авраама Линкольна, о которых мы узнавали когда-то в детстве из старых книг...

Моей соседкой по самолету на пути из Атланты в Сан-Франциско, или, как ласково говорят американцы, во Фриско, оказалась студентка педагогического колледжа, просто и не броско одетая. Как-то сразу вспомнился мне наш Первый медицинский институт, от которого я оторвался для этой поездки в разгар учебного года. Подумалось, что мои студенты обязательно будут мучать меня вопросами о жизни американских коллег, и я принялся с особым пристрастием расспрашивать свою соседку о ее житье-бытье. Впрочем, расспрашивать и не пришлось. Американцы рассказывают о себе охотно. Это, можно сказать, их национальная черта, и потому вскоре биография моей соседки была у меня на ладони.

Дочь довольно видного инженера, работающего на одном из предприятий Атланты. Мать ведет хозяйство, воспитывает 9 детей. В семье трудовая обстановка. В субботу, когда все собираются за столом, отец зачитывает составленный им график домашних обязанностей детей на неделю. График вывешивается на двери, и каждый неукоснительно выполняет свои обязанности. Ей, старшей дочери, семья помогать не может. Поступив в колледж, она содержит себя сама. Плата за обучение немалая: 1 800 долларов в год. Но окончила она среднюю школу с отличием, хорошо учится в колледже, и с нее, в порядке исключения, берут 400 долларов. Кроме того, надо есть и одеваться. Поэтому она учится и работает. Обычное дело.

— А как советские студенты? Сколько они платят за обучение?

Начинаю рассказывать ей о бесплатном обучении, об общежитиях для иногородних студентов, о стипендиях. Она слушает учтиво, но по глазам вижу — не верит. Считает, что этого не может быть и что русский профессор, должно быть, хитрец и занимается тут красной пропагандой. Она даже как-то свернулась, замолчала. Рассказываю, что когда-то студентом и я по ночам подрабатывал, разгружая вагоны или работая санитаром. Девушка опять начинает говорить о себе. Католичка. По воскресеньям ходит в костел, но, честно говоря, не очень усердно. «Надо же во что-то верить, быть атеистом как-то неприлично». Не замужем ли? Нет. Еще и не собирается. Не принято, чтобы студенты женились или выходили замуж до окончания высшего учебного заведения. Вообще в Америке редко заключают браки до того, как люди прочно встанут на ноги. Ее идеал, как и многих американских девушек,— хорошее замужество. Она хотела бы выйти замуж за человека, который был бы с ней одних взглядов, понимал бы ее и был бы... чуть-чуть умнее ее. Быть богатым будущему мужу не обязательно; она собирается зарабатывать на жизнь своим трудом...

За ночь самолет пронес нас через континент в Сан-Франциско. Наш неутомимый хозяин господин Масти, как только мы очутились в холле отеля и внесли свои чемоданы, сообщил нам, что уже собрались люди из разных миролюбивых организаций и хотят обменяться мнениями с советскими коллегами. Нас ждало немало людей, и среди них одна из руководительниц движения «Женщины, боритесь за мир!», Мэри Кларк, которая прилетела из Лос-Анжелоса.

Нас не мог не радовать и не вдохновлять этот все возрастающий интерес американцев к нашей стране, к ее миролюбивой политике, к нашей науке, искусству и — что было нам особенно дорого — их стремление к взаимопониманию.

В некоторых из этих встреч принимали участие и представители первой русской эмиграции. Те, кого нам довелось видеть, не были нашими врагами. Наоборот, иные из них участвуют в движении борьбы за мир и, зная оба языка, помогали нам общаться с американцами. Вздыхали по родине. Сетовали на то, что эмигрантам, в особенности тем, кто приезжает сюда из Европы, все труднее и труднее жить и устраиваться. Называли фамилии врачей, которые работали грузчиками, учительниц с дипломами, принужденных мыть посуду в ресторанах. Об Америке, как правило, говорили: «Здесь, у них»,— а о Советском Союзе: «Там, у нас». И некоторые признавались, что мечтают вернуться на родину.

Между прочим в Сан-Франциско нам рассказали об очень смешном и показательном случае. Местные реакционные организации отмечают здесь дату Февральской революции в России. Отмечали в прошлом году. В качестве почетного гостя на этот вечер был приглашен «премьер Временного правительства, столп русской демократии»... Александр Керенский, прозябающий ныне в скромной должности университетского библиотекаря. Прибыл. Милостиво улыбаясь, принимал приветствия гостей официальных и неофициальных. Весь этот спектакль шел как по маслу. Но вдруг из толпы людей выделилась женщина с букетом цветов, решительно шагнула к «юбиляру» и принялась стегать его цветами по дряблым, старческим щекам. Произошел скандал. Так жалким фарсом обернулось опереточное это торжество, затеянное силами реакции...

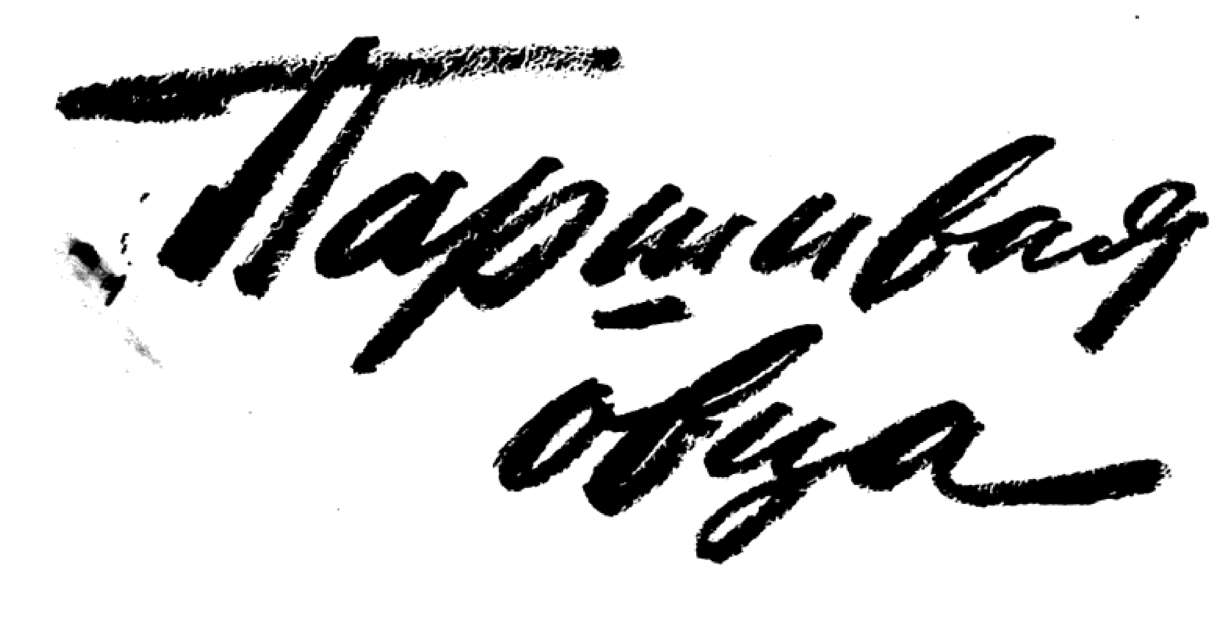
Домой мы вылетали из Нью-Йорка. По обыкновению была заключительная пресс-конференция, и по обыкновению же среди других нам был задан традиционный вопрос, который тут ставится перед всеми покидающими страну гостями: что вам понравилось в Америке? Я уже знал, что по той же традиции отвечать надо коротко, лучше всего одной фразой. И я ответил:

— Дружелюбие американцев, с которыми мы встречались.

Но добавил:

— И еще то, что заметно тают ледяные бастионы «холодной войны», растет стремление к миру и к взаимопониманию.

Паршивая овца

Генрих БЁЛЛЬ

Рассказ

Рисунки С. КРАВЧЕНКО.

Откровенно говоря, я призван позаботиться о том, чтобы цепь паршивых овец не прервалась в моем поколении. Должен же кто-то быть этой овцой, и это я. Никто никогда такого от меня не ожидал, но тут уж ничего не изменишь. Мудрые представители нашего семейства утверждали, что то влияние, которое оказал на меня мой дядя Отто, было плохим. Дядя Отто был паршивой овцой в предыдущем поколении и моим крестным. Кто-то должен был им быть, вот им и оказался он. Само собой разумеется, его избрали в крестные до того, как выяснилось, что он потерпел крушение в делах. Теперь крестным отцом малыша стал я, однако с тех пор, как было установлено, что я паршивая овца, ребенка с перепугу держат от меня подальше. Собственно говоря, нам должны бы быть благодарны, ибо семья, в которой отсутствует паршивая овца, не может считаться типичной.

Дружба моя с дядей Отто началась рано. Он часто приходил к нам, приносил сластей больше, чем мой отец считал разумным, говорил, говорил и напоследок заканчивал попыткой призанять денег. Дядя Отто был сведущ во всем; не существовало области, в которой он не разбирался бы: социология, литература, музыка, архитектура — одним словом, все; и действительно, он кое-что знал. Даже знатоки считали его увлекательным, умным, исключительно симпатичным собеседником, но только до того момента, пока к концу беседы их не отпугивала неизменная попытка призанять денег. Это было чудовищно: он неистовствовал не только среди родни, но расставлял свои коварные ловушки всюду, где это ему казалось нужным.

Все придерживались того мнения, что благодаря своим знаниям он мог бы ходить в золоте—так это называлось в предыдущем поколении, но дядя Отто предпочитал обращать в золото нервы своей родни. Как ему удавалось создавать впечатление, что сегодня он такой попытки не сделает, остается его тайной. Но он эту попытку делал. Регулярно. Думаю, просто не мог отказаться от удобного случая. Его речи были столь увлекательны, исполнены такой истинной пылкости, так тонко продуманы, блестяще остроумны, уничтожающи для противников, возвышающи для друзей, он умел говорить обо всем и даже лучше, чем можно было предположить... И он это делал. Он знал, как надо ухаживать за грудными детьми, хотя у него никогда не было детей, вовлекал женщин в необычайно захватывающие беседы о диете при определенных детских болезнях, рекомендовал соответствующие сорта пудры, выписывал рецепты мазей, регулировал количество и качество питья и знал толк в том, как следует брать ребенка на руки — доверенное ему орущее дитя сразу успокаивалось. От дяди Отто исходило нечто магическое.

Так же хорошо анализировал он Девятую симфонию Бетховена, составлял юридические документы, называл наизусть номера статей закона соответственно предмету обсуждения.

Но где и о чем бы ни говорилось, в конце беседы при неизбежном прощании, чаще всего в передней, когда дверь за ним была уже наполовину закрыта, он снова просовывал в нее свою белую голову с живыми черными глазами и говорил, словно невзначай, обращаясь к главе семьи, застывшей от ужаса: «Кстати, не можешь ли ты мне?..»

Сумма, которую он требовал, колебалась между одной и пятьюдесятью марками. Пятьдесят было наивысшим пределом; на протяжении десятилетия выработался неписаный закон, по которому он никогда не смел требовать больше. «Краткосрочно!» — прибавлял он. «Краткосрочно» было его любимым словечком. После чего он возвращался, снова вешал свою шляпу на вешалку в передней, разматывал кашне и начинал объяснять, зачем ему нужны деньги. У него всегда были планы, безошибочные планы. Деньги никогда не требовались ему на текущие расходы, а всегда лишь для того, чтобы создать надежную базу для своего существования. Планы его колебались между эксплуатацией киоска по продаже лимонада, от чего он надеялся получать постоянный и твердый доход, и организацией политической партии, которая спасет Европу от гибели.

Фраза «Кстати, не можешь ли ты мне?..» стала в нашей семье жупелом; особенно женщины — родные и троюродные тетки, даже племянницы,— едва услышав слово «краткосрочно», были близки к обмороку.

Дядя Отто, я полагаю, был вполне счастлив, когда мчался вниз по лестнице и немедленно шагал в ближайший погребок, где обдумывал свои планы. Они проносились у него в голове за рюмкой водки или тремя бутылками вина, в зависимости от того, как велика была сумма, которую ему удалось перехватить.

Я не могу больше скрывать, что он пил. Он пил, но никто и никогда не видал его пьяным. Кроме того, у него была потребность пить в одиночку. Предложить ему выпить, чтобы таким путем предотвратить попытку занять денег, было бесцельно. Даже целая бочка вина не могла бы удержать его от того, чтобы на прощание, в самую последнюю минуту, не просунуть голову в дверь и не спросить: «Кстати, не можешь ли ты мне краткосрочно?..»

Рассказ «Паршивая овца» принадлежит к ранним произведениям прогрессивного западногерманского писателя Г. Бёлля. Он напечатан в вышедшем недавно в Западной Германии «Альманахе группы 47—1947—1962». Группа 47 — объединение молодых западногерманских литераторов, созданное в 1947 году.

Но о самом крупном его недостатке я до сих пор умалчивал: иногда дядя Отто возвращал деньги. Мне думается, он, как бывший референт, время от времени кое-что зарабатывал, давая случайные юридические консультации. Тогда он появлялся, вынимал из кармана бумажку, разглаживал ее с невыразимой любовью и говорил: «Ты был так любезен, помог мне, вот, здесь пятерка!» В таких случаях он быстро уходил и появлялся вновь не раньше чем через два дня, чтобы потребовать сумму несколько больше возвращенной. Остается тайной, как он мог дожить почти до шестидесяти лет, не имея того, что принято называть определенной профессией. И умер он вовсе не от болезни, которую мог бы нажить из-за пьянства. У него было крепкое здоровье, его сердце работало великолепно, его сон походил на сон здорового грудного младенца, который досыта насосался и с совершенно чистой совестью отсыпается в ожидании следующей кормежки. Нет, он умер совершенно неожиданно: несчастный случай пресек его жизнь, а то, что произошло после его смерти, до сих пор кажется невероятным.

Как уже было сказано, дядя Отто умер в результате несчастного случая. Грузовик с тремя прицепами переехал его в сутолоке уличного движения, но, к счастью, какой-то честный человек поднял его, сдал полиции и уведомил родню. В карманах дяди Отто нашли кошелек, а в нем медальон с изображением богоматери, проездной трамвайный билет, пригодный еще на две поездки, двадцать четыре тысячи марок наличными, а также дубликат расписки, выданной им инкассатору денежной лотереи; дядя Отто владел деньгами не более одной минуты, а возможно, еще меньше, ибо грузовик переехал его в пятидесяти метрах от бюро инкассатора. То, что последовало за этим, пристыдило всю родню. В комнате его царила нищета: стол, стул, кровать и шкаф, несколько книг и большая записная книжка, а в этой книжке точный перечень лиц, которым он задолжал, вплоть до записи займа, сделанного накануне вечером, займа, принесшего ему четыре марки. Кроме того, было обнаружено краткое завещание, по которому я назначался наследником.

Мой отец как душеприказчик был уполномочен выплатить долги покойного. Список кредиторов дяди Отто заполнил всю книжку, и первая запись в ней относилась к тому году, когда дядя Отто прервал свою карьеру референта в суде и внезапно посвятил себя другим планам, на обдумывание которых ушло столько времени и денег. Его долги составляли в общей сумме почти пятнадцать тысяч марок, а число кредиторов перевалило за семьсот, начиная с трамвайного кондуктора, который дал ему взаймы тридцать пфеннигов на билет с пересадкой, и кончая моим отцом, которому предстояло получить обратно свои две тысячи марок, ибо дяде Отто легче всего было вытягивать деньги именно у моего отца.

По странной случайности в день похорон дяди я стал совершеннолетним и, следовательно, получил право вступить во владение десятитысячным наследством. Я немедленно бросил только что начатое учение, чтобы посвятить себя другим планам. Несмотря на слезы моих родителей, я выехал из дому и перебрался в комнату дяди Отто — уж очень меня туда тянуло; я живу там и поныне, хотя мои волосы давно поредели. Мебели в комнате не прибавилось и не убавилось. Теперь-то я знаю, что вначале действовал не совсем правильно. Бессмысленно было пытаться стать музыкантом и даже сочинять музыку — к этому у меня нет таланта. Теперь я это понял, но заплатил за науку трехлетним напрасным изучением музыки и еще тем, что приобрел кличку бездельника и просадил все наследство. Но все это было давным-давно.

Я уже не помню последовательности моих многочисленных планов. Время, которое требовалось для того, чтобы убедиться в их бессмысленности, становилось все короче. Любой мой план выживал только три дня — срок существования, слишком короткий даже для плана. Срок существования моих планов сокращался так быстро, что под конец они превращались в мимолетные, короткие мысли, которые я никому не мог объяснить, ибо они были не ясны и мне самому. Вспоминаю, как на протяжении трех месяцев я посвятил себя физиогномике, а затем в течение одной лишь второй половины дня решил стать художником, садовником, механиком и матросом; я засыпал с мыслью о том, что рожден быть учителем, и просыпался с непоколебимой уверенностью, что карьера таможенника — это именно то, для чего я предназначен!..

Короче говоря, я не отличался ни любезностью дяди Отто, ни его относительно большой выдержкой, кроме того, я не оратор и своим молчанием навожу на людей скуку, а когда меня внезапно прорывает и я делаю попытку вырвать у них деньги, это выглядит почти как вымогательство. Я умею ладить только с детьми, и это, пожалуй, единственное положительное свойство, унаследованное мною от дяди Отто. Грудные дети утихают, как только я беру их на руки, а когда они на меня смотрят, то улыбаются, если только умеют уже это делать, хотя люди говорят, что мое лицо отпугивает. Злые языки советовали мне стать первым представителем мужского пола, освоившим профессию воспитателя в приюте для младенцев, и закончить свои бесконечные планы осуществлением хотя бы этого плана. Однако так я не сделал. В чем причина того, что многое для нас невозможно? Думаю, в том, что мы не используем как средство существования наши врожденные способности, или, как теперь принято говорить, не умеем пользоваться ими профессионально.

Во всяком случае, несомненно одно: если я паршивая овца — сам я в этом вовсе не уверен,— если это все же так, то я совершенно другая разновидность, чем дядя Отто: я не обладаю его легкостью, обаянием, кроме того, долги подавляют меня, в то время как его они, по-видимому, мало беспокоили. И я сделал нечто ужасное: я капитулировал — попросился на службу. Я заклинал родню помочь мне, устроить меня, пустить в ход имевшиеся

у них связи, и один, хотя бы один-единственный раз обеспечить мне определенную плату за определенную работу. Это им удалось. После того как я высказал свои просьбы, устно и письменно сформулировал их, настойчиво моля и заклиная, я ужаснулся, когда мои просьбы были приняты всерьез и осуществлены, и я сделал нечто такое, чего до сих пор не делала ни одна паршивая овца в мире: я не отступил, не подвел родню, а поступил на место, которое они для меня нашли. Я пожертвовал тем, чем никогда не должен был жертвовать: своей свободой!

Каждый вечер, возвращаясь усталый домой, я огорчался, что прошел еще один день моей жизни, не принеся мне ничего, кроме ярости, усталости, и ровно столько денег, чтобы иметь возможность продолжать работу, если только это занятие могло называться работой: сортировать в алфавитном порядке счета, пробивать в них дыры, закреплять их в новеньком скоросшивателе, в котором эти счета терпеливо покорялись своей судьбе — оставаться навсегда неоплаченными; писать письма-предложения, которые безрезультатно путешествуют по стране, лишь отягощая сумку почтальона; время от времени выписывать счета, которые случайно оплачивались, иной раз даже наличными. Я должен был вести переговоры с разъездными агентами, тщетно пытавшимися всучить кому-нибудь тот хлам, который изготовлял наш шеф. Этой неутомимой скотине было всегда некогда, он постоянно бездельничал и проводил драгоценные дневные часы в пустой болтовне, в бессмысленном существовании. Не осмеливаясь подсчитать сумму своих долгов, он метался от одного блефа к другому, этот акробат с воздушными шарами, надувающий следующий шар, как только предыдущий лопнул и превратился в отвратительную резиновую тряпку, которая за секунду до того имела еще блеск, жизнь, упругость.

Наше бюро размещалось рядом с фабрикой, где десяток рабочих изготовлял ту мебель, которую покупают, чтобы всю жизнь в этом раскаиваться, если только не решаются изрубить ее на растопку: курительные столики, рукодельные столики, крохотные комоды, искусно раскрашенные маленькие стулья, ломавшиеся под трехлетними детьми, подставочки для ваз или цветочных горшков, дрянной хлам, который, казалось, должен быть обязан своим существованием искусству столяра, в действительности же плохой маляр с помощью краски, выдаваемой за лак, сообщал ему ложную красоту, оправдывавшую его стоимость.

Так день за днем я провел две недели в бюро этого тупого, ограниченного человека, который принимал себя всерьез да еще вообразил себя художником. Только один раз за все время, что я находился здесь, его видели у чертежной доски: он оперировал карандашами и бумагой, проектируя какой-то шаткий предмет — подставку под цветок или новый домашний бар на горе последующим поколениям. Полная бессмысленность выпускаемых им изделий, казалось, не доходила до него. Закончив проектирование — это произошло лишь однажды за все время моей службы,— мой шеф унесся прочь на своей машине, чтобы предаться творческому отдыху, который затянулся на добрую неделю, хотя поработал он всего четверть часа. Чертеж швырнули мастеру, тот разложил его на верстаке, изучил, наморщив лоб, и изготовил деревянные детали, чтобы запустить изделие в производство.

Целыми днями я видел, как за пыльными окнами мастерской — шеф называл ее фабрикой — громоздились новые произведения: стенные полки или столики для радио, которые едва ли стоили затраченного на них клея.

Единственными полезными предметами были те, которые рабочие изготовляли сами, без ведома шефа, как только становилось известно, что отсутствие его продлится несколько дней: скамеечки для ног или ящички для безделушек,

радующие глаз своей прочностью и простотой (правнуки еще будут скакать на них верхом либо хранить в них свой хлам); необходимые людям рамы для сушки белья, на которых будут развеваться рубашки многих поколений. Таким образом, все полезное создавалось здесь нелегально.

Наиболее импонирующей личностью, с чьей профессиональной деятельностью я встречался во время этого интермеццо, был трамвайный кондуктор, который своими щелкающими щипцами зачеркивал прожитый день; он брал в руки маленький клочок бумаги, мой недельный проездной билет, всовывал его в открытый клюв своих щипцов, и невидимые вытекающие оттуда чернила наносили на билет полоску в два сантиметра — один день моей жизни зачеркивался, драгоценный день, принесший мне только ярость, усталость и ровно столько денег, чтобы продолжать мою бессмысленную работу. Какое-то роковое величие было присуще этому человеку в скромной форме служащего городского трамвая: ежевечерне он мог превратить в ничто тысячи дней человеческой жизни.

Еще сегодня меня берет досада, почему я не заявил своему шефу об уходе с работы до того, как смог сделать это. Однажды моя хозяйка привела ко мне в бюро мрачно оглядывавшегося человека; он представился инкассатором лотереи и сообщил мне, что я владелец состояния в 50 тысяч марок, если я такой-то и такой-то и если определенный лотерейный билет находится в моих руках. Я был такой-то и такой-то, и лотерейный билет находился в моих руках. Немедленно, без предварительного предупреждения, я покинул службу, приняв на себя ответственность за то, что счета остались непродырявленными и нерассортированными; мне не оставалось ничего другого, как отправиться домой, получить деньги и через почтальона, разносящего денежные переводы, уведомить родню о новой ситуации.

Очевидно, предполагалось, что я вскоре умру либо стану жертвой несчастного случая. Но пока ни одна автомашина как будто не собиралась отнять мою жизнь, сердце у меня совершенно здоровое, хоть я и не враг бутылки. Теперь, после уплаты долгов, я являюсь обладателем состояния почти в 30 тысяч марок, свободного от налогов, снова стал уважаемым дядюшкой, пользующимся успехом, получил внезапно доступ к своему крестнику. Ведь дети меня любят, и теперь я могу с ними играть, покупать им мячи, приглашать на мороженое, да еще со взбитыми сливками, могу дарить им гигантские гроздья воздушных шаров, заполнять лодки качелей и каруселей этой веселой стайкой.

Моя сестра немедленно купила моему крестнику лотерейный билет, а я часами размышляю, часами ломаю себе голову над тем, кто наследует мне в поколении, которое у нас в семье подрастает; кто из этих цветущих, играющих, красивых детей, произведенных на свет моими братьями и сестрами, будет паршивой овцой ближайшего поколения? Ведь мы типичная семья и останемся ею. Кто будет послушным и добропорядочным до того момента, пока не перестанет быть послушным? Кто неожиданно захочет посвятить себя новым планам, безошибочным, лучшим? Я хотел бы знать это, хотел бы предостеречь его, ибо и мы имеем опыт, ибо и наша профессия располагает своими правилами игры, которыми я мог бы поделиться с ним, еще неизвестным наследником, тем, кто, как волк в овечьей шкуре, пока играет в толпе других детей...

Но у меня смутное предчувствие, что я не проживу так долго, чтобы узнать его и посвятить в свои тайны; он подрастет, проявит себя, а когда я умру и наступит срок смены, предстанет перед родителями с разгоряченным лицом и скажет, что с него хватит, и я только в душе надеюсь, что к тому времени от моих денег еще что-нибудь останется, так как свое завещание в пользу крестника я изменил и остаток своего состояния завещал тому, кто первым выкажет безошибочные признаки, свидетельствующие о том, что он достоин быть моим преемником...

Главное — никому и ничем не быть обязанным.

Перевела с немецкого Л. Лежнева.

Александр РЕШЕТОВ

Первая борозда

Когда впервые взялся я за плуг
И, тронутый вожжой,
Пошел послушный чалый,
Не удержал бы плуг оратай малый
Без помощи отцовских близких рук.

Не помню я, сияло или нет
Над нашей нивой солнце в те мгновенья,
Мне черных рук припомнились движенья
И доброта их видится, как свет.

Но я тогда гордился не отцом,
Гордился первой бороздой своею.
Судить себя за это я не смею
Рассудка поздним праведным судом.

На будущее

Саше

Хулы напрасной мне не надо,
Но и напрасно не хвали.
Съязви: — Садовник он
без сада,
Печальный пахарь
без земли.
Тебе напомнит ветер с поля,
Ручей, не знающий преград,
Что вся
лежит земля на воле,
Не забрана ни в рай, ни в ад.
На ней — большой —
Сама большая.
Решай, что сеять,
Как растить,
Какое дерево мешает
И где какие посадить.
Я не прерву твой труд и песню
И след с земли твой не сотру.
Тогда я, смерть поправ,
Воскресну
Иль окончательно умру.

* * *

В саду моих стихов
Нет виноградин сладких
И не тупы шипы
У северянок роз.
Я пропадал в полях,
В лес шел я без оглядки,
Росток, что тронул душу,
Порой оттуда нес.

В саду моих стихов
Горчат плоды иные,
Но ядовитых нет.
И я живу с мечтой,
Что, где б ни пролегли
Пути твои
любые,
В саду моих стихов
Мы встретимся с тобой.

В семье вольной новой

В эти дни на Украине в самом разгаре торжества, посвященные 150-летию со дня рождения великого поэта, революционера - демократа Т. Г. Шевченко. Идет, если можно так выразиться, второй тур празднеств — первый, как известно, с огромным размахом и сердечностью прошел в нашей стране и за рубежом в марте 1964 года. Поистине с всенародным размахом отмечен день рождения бессмертного Тараса: в столицах союзных и автономных республик, в городах и селах состоялись торжественные вечера и собрания, научные сессии, конференции, беседы, лекции. Выпущены специальные номера газет и журналов, демонстрировались посвященные поэту фильмы, ставились спектакли. На Украине, в Москве и во всех братских республиках осуществлены новые издания сочинений Т. Шевченко, научных исследований и художественных произведений о его жизни и творчестве. Только в московских издательствах к юбилею выпущено тридцать новых книг, в том числе такие капитальные издания, как «Кобзарь» объемом тридцать печатных листов, новое подписное собрание сочинений в 5 томах, однотомники стихов Шевченко на немецком и английском языках. Вообще произведения Т. Г. Шевченко за годы Советской власти выходили 480 раз тиражом около 14 миллионов экземпляров на 43 языках. В честь юбилея выпущена памятная медаль «150 лет со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко», конверты, открытки, марки, различные сувениры. В печати широко сообщалось о присуждении шевченковских премий в честь знаменательной даты.

В солнечные дни мая с новой силой звучали слова признательности Кобзарю на Объединенном шевченковском пленуме Правлений Союзов писателей СССР и УССР в Киеве, где их произносили представители всех братских республик Советской страны, и на международном форуме, на котором выступили выдающиеся зарубежные писатели, ученые и общественные деятели, прибывшие из многих стран.

В начале июня эстафета шевченковских празднеств снова будет передана Москве. В Центральном выставочном зале будет развернута большая художественная выставка произведений самого Шевченко, а также посвященные ему работы дореволюционных и советских художников. В Киеве эта выставка экспонировалась с марта и пользовалась неизменным успехом. Я видел, с каким огромным вниманием осматривали ее поэт-академик П. Тычина, студенты, рабочие. Подолгу останавливались они у работ В. Задорожного, Г. Мелихова, О. Вовка, К. Филатова, О. Попова, М. Чепика, Г. Бельцова, представленных сегодня на страницах «Огонька».

Как бы заключительным аккордом шевченковских празднеств будет торжественное открытие памятника Тарасу Шевченко в Москве, у набережной, носящей его имя.

Но и на этом не закончатся юбилейные торжества. 1964 год будет поистине «шевченковским годом». Внимание к памяти поэта найдет свое выражение и в том, что в конце нынешнего года будет широко отмечено 100-летие со дня рождения выдающихся продолжателей боевых шевченковских традиций, классиков украинской литературы М. Коцюбинского и П. Грабовского... и в том, что ученые, мастера искусств и все советские люди сделают еще для увековечения памяти Кобзаря.

В советской вольной, новой семье братских народов во весь голос, с огромной любовью поминаются имена замечательных писателей и борцов за свободу и счастье народное. Поистине к их памятникам никогда «не зарастет народная тропа».

И. КАРАБУТЕНКО

О. Вовк. В РОДНОМ КРАЮ.

Г. Бельцов. ОКСАНА.

К. Филатов. Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ССЫЛКЕ.

О. Попов. ТАРАСОВА ГОРА.

А. СОФРОНОВ

от уж действительно, как все быстро меняется. Кажется, что ты, как всегда, подлетая к Баку, над частой сеткой нефтяных вышек и срезая Каспийское море у города, не найдешь никаких особых перемен на земле. Но это только кажется. Два года было так, а сегодня иначе. Полымя звезд над Баку весенним вечером, где-то на горизонте переходящих в звезды небесные. Это сегодня так же, как и раньше, но на земле перемены: чудесный просторный аэропорт со всеми международными внешними данными.

Вы катите свои тридцать километров до гостиницы, открываете стекла в машине и с ночной прохладой вдыхаете легкий настойчивый запах нефти. И снова ажурные вышки — Баку как бы предъявляет свою визитную карточку. Но это неточное представление. Утро, красивое, солнечное, весеннее утро открывает город в его удивительной красоте. Но, может, в городе нет перемен? Нет, есть, и очень большие. Город с миллионным населением не устает строиться. Новые кварталы жилых домов. Новые, современной архитектуры здания Азербайджанской академии наук. Новые институты. Новые больницы. И видишь все это уже не в проектах, не на кальке, а на земле. Баку все время раздвигается вширь, занимая участки, где раньше ничего не было, гулял лишь сильный, напористый ветер. А над Баку, врезываясь в синеву неба, над портом и над городом замечательно поднятый над кипучей жизнью памятник Сергею Мироновичу Кирову. Кажется, и сейчас звучат его слова: «Успехи действительно у нас громадны. Черт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить».

Мы были в Баку в дни, когда здесь проходила II Советская конференция солидарности народов Азии и Африки. Делегаты Российской Федерации, Азербайджана, Узбекистана, Грузии, Казахстана, Армении, Таджикистана, Киргизии и Туркмении встретились с тем, чтобы наметить дальнейшую программу Советского комитета афро-азиатской солидарности в борьбе с колониализмом и империализмом. В эти дни в Баку были гости из африканских и азиатских стран. И в эти же дни вся республика готовилась торжественно отметить 150-летие вхождения Азербайджана в состав России.

Это чувствовалось всюду. Транспаранты и плакаты, афиши московских театров, какой-то особый, праздничный настрой в городе.

Большая дорога пройдена народами Азербайджана и России за полтора столетия с того дня, когда был ратифицирован Гюлистанский мирный договор, согласно которому основные азербайджанские ханства вошли в состав России. Конечно, царская Россия откровенно преследовала свои колонизаторские цели, желая подчинить себе экономику и народ Азербайджана. И тем не менее в исторической перспективе этот политический акт принес взаимную пользу. Крупнейший азербайджанский философ и просветитель XIX века М. Ф. Ахундов писал: «Благодаря покровительству русского государства мы избавились от имевших место в прошлом бесконечных нашествий и грабежей захватнических полчищ и обрели, наконец, покой». Известно, какое получило развитие единство русского и азербайджанского народов в годы, предшествующие Октябрьской революции, и в дни, когда революция была уже совершена. Каждый камень напоминает и сейчас о совместной борьбе русских и азербайджанских пролетариев. Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Вели Юсуфович Ахундов, выступая на собрании бакинского актива 13 марта 1964 года, приводил много фактов, подтверждающих эту мысль. Вот один из них: «В мае 1906 года бастующие русские рабочие завода Бартдорфа в Черном городе приняли резолюцию, в которой говорилось: «Ввиду того, что труд чернорабочих мусульман ничем не отличается от труда чернорабочих русских, а оплату мусульмане получают весьма низкую, мы требуем уравнения платы мусульманам с русскими рабочими». Такие же резолюции были вынесены русскими рабочими ряда других заводов и промыслов Баку».

Чувство единства и братства наших народов испытываешь у вечного огня, зажженного у памятника 26 бакинским комиссарам. Сыновья разных народов были едины и по-равному мужественны в суровую годину становления Советской власти на Кавказе. Своей жизнью и своей смертью они показали благородный пример служения делу революции. Теперь в Баку в небольшом парке, где каждый может всмотреться в молодые, открытые лица бакинских комиссаров, бегает многоголосая детвора. Им теперь все доступно, внукам и правнукам тех, кто покоится под мраморными плитами.

...Вместе с членом-корреспондентом Академии наук СССР Василием Семеновичем Емельяновым мы ехали в молодой город Сумгаит. Вначале я как-то не соединил образ ученого, заснятого в картине Торндайков «Русское чудо», с человеком, с которым меня свела судьба в Баку. Но уже первые минуты дороги в Сумгаит показали, что это именно он, на вид еще нестарый, очень скромный и удивительно внутренне собранный человек. Оказалось, ему здесь знакомы каждый квартал, каждый дом, каждая улица. Здесь он расклеивал листовки, здесь распространял когда-то «Правду», восстанавливал телефонную связь, здесь, рискуя жизнью, ходил в разведку...

Все дни пребывания в Баку я видел, каким необыкновенным светом лучились у него глаза, когда он выступал перед молодежью, когда встречался с однолетками, почтенными седыми азербайджанцами, с которыми он, русский паренек Василий Емельянов, более сорока лет назад делал здесь революцию. В эти майские дни 1964 года Василий Семенович, что называется, был нарасхват — все хотели видеть его, послушать увлекательные рассказы не только о прошлом, но и о большом, интереснейшем настоящем, о деле, которому он посвятил жизнь,— мирном использовании атомной энергии.

Мы много раньше слышали и читали о Сумгаите — самом молодом городе Азербайджана. Но вот уж действительно, как ни читай, что ни слушай, но самое большое впечатление останется после того, как увидишь. Город нефти и химии, Сумгаит производит впечатление города будущего. Такие города мы привыкли видеть в проектах, но в последнее время все больше видим наяву, уже построенными.

Синее Каспийское море словно плещется у порога каждого дома. Широкие улицы, современные дома. Ни одного забора в городе. Все открыто, все доступно взору. Нам с улыбкой говорят: в Сумгаите нет пенсионеров. Говорят не для того, чтобы обидеть пенсионеров. Просто жители еще все молоды. Городу чуть побольше пятнадцати лет. В каждом дворе видна забота о детях — площадка, песок, качели, всякая детская утварь. Молодые посадки. Ярко цветущее сиреневым цветом иудино дерево (так и хочется переименовать, очень не подходит это название для Сумгаита!). Мы стояли на улице имени Самеда Вургуна. На стене дома — его горельеф, мудрая, так хорошо знакомая нам по жизни голова поэта. Выбитые на камне короткие данные из биографии поэта. В Сумгаите живут люди 45 национальностей — это поистине город братства народов. В Азербайджане говорят: дом без гостей — дом без счастья. Здесь люди счастливы: гостей в Сумгаите много. Да и не только в Сумгаите.

Вместе с делегатами конференции солидарности и гостями из афро-азиатских стран мы побывали у нефтяников Каспия.

Мой старый друг Герой Социалистического Труда Курбан Абасов, один из тех, кто первым осваивал добычу нефти в Каспийском море, был в этот день по-особому радушен. Он встречал на Нефтяных Камнях, в этом чудо-городке на сваях, вокруг которого плещутся соленые морские волны, гостей, с которыми виделся в Каире, Дели и других городах. Сегодня он мог не только рассказывать, но и показывать результаты труда азербайджанцев. Он был и в этот день, как всегда, немногословен, только очень улыбчив.

— Вот первая вышка, которую мы поставили,— говорил он, указывая на старую вышку, к основанию которой была прикреплена памятная доска.— А вот первый дом...

Домов уже было вокруг много, а вышек не счесть, но все, что бывает первым, всегда по-особому дорого. На зеленых грузовичках мы катили по прочным настилам — удивительной дороге, проложенной в море.

Вместе с нами в машине сидели ангольцы и замечательный поэт из Мозамбика Марселино де Сантос. Он задумчиво смотрел на все вокруг, глубокая дума была видна в его печальных глазах. Я спросил его:

— Почему грустный, Марселино?

— Думаю о Мозамбике. Мой народ там еще не хозяин.

Курбан Абасов положил руку на плечо Марселино.

— Будет хозяин. Обязательно будет. Мы не были хозяевами, теперь смотри, какие хозяева!

Вот такой Азербайджан! Брат и друг. Трудовой и веселый. Народ ученых и мастеров, прекрасных художников и градостроителей, певцов и земледельцев. Народ, любящий встречать гостей и умеющий помогать другим народам. Каждый, кто побывал в Азербайджане, сердцем чувствует эту братскую дружбу и любовь.

В Азербайджане хорошо знают стихи народного поэта Расула Рза:

Он, бесстрашный
брат наш старший,
поднял знамя Октября.
И над миром знамя это
заалело, как заря.
Рухнула тюрьма народов,
и, огнем весны горя,
В океан слились единый
разобщенные моря.
Путь открылся к жизни лучшей,
русскому народу Слава!

И в эти праздничные, памятные дни хочется сказать народу Азербайджана: с вами наша любовь, наша дружба и наша верность.

Слава звездам Азербайджана!

Семья. Фото Л. Бородулина

В Баку есть свои Черемушки.

Баку—Сибирь

Гусейн ГУСЕЙНЗАДЕ

Азербайджанский поэт Гусейн Гусейнзаде недавно летал на далекий Север. После авиарейсов — много километров на попутных в старинное село Марково.

Здесь растет современный город Нефтеленск. Нелегко сыну Юга окунуться в сибирскую зиму, но Гусейн любит говорить: «Сибирь надо видеть зимой». Да и к тому же он встретил земляков: инженера Юсуфа Гаджиева, бурильщиков Новруза Мустафаева, Ислама Саламова... Они себя чувствуют на Севере, как дома.

Вакинский поэт вернулся из Сибири не с пустыми руками. Он привез запечатанный сургучом флакон кембрийской нефти с надписью: «Пионерам 23-й школы г. Баку от пионеров будущего города Нефтеленска (Марково)».

В поездке начала складываться книга «Сибирские подарки», из которой взяты печатающиеся ниже стихи.

Село Марково

Завертелась метелица над рекой,
Навалились снега лавинами,
Словно тысячи зим,
Одна на другой,
Пуховыми лежат перинами.
Где проспекты,
Чем славятся города,
Перекличка огней над парками?
Здесь повсюду
Прозрачные гроздья льда
На оранжевых соснах Маркова.
Где автобусов новых крутой вираж,
Дом высотный,
Звездой увенчанный?..
Здесь повсюду
Домишки в один этаж,
То дощаты,
А то бревенчаты.
Почему же
От южных морей меня
Путь-дорога вела неблизкая
В край,
Которому, не пожалев огня,
Дарит жар свой,
Бурливей день ото дня,
Нефтяное море кембрийское?

На берегу Лены

Новрузу Мустафаеву

Мороз!
Аж за сердце тянет.
Но на берегу в пургу
Крепко стоит нефтяник,
Приехавший из Баку.

Метель заплетает кольца.
Куда бурильщик идет?
Он с Каспия комсомольцев
На Лене не подведет!

...В Сибири на новоселье
Меня пригласил земляк.
Такое пошло веселье —
К утру не уснуть никак!

На снежные глядя гроздья,
Не думал наверняка,
Что стану на Лене гостем
Бакинца-сибиряка.

Сто пятьдесят

Сто пятьдесят!..
Наш путь лежал
Вдоль горного массива...
Россия и Азербайджан,
Азербайджан — Россия!

Немало ливней, бурь и стуж
Прошли душа с душою.
И миллион сердец и душ
Слились в одно большое.

Друзей России назови
Не из былин и мифов:

Фото Г. Макарова

Пел о России Низами,
И саз звенел Вагифа.

И смерти Пушкина стихи
Поэты посвящали,
Но сколько в строчках Сабухи [1]
Особенной печали!..

В работе рядом и в бою,
В морях, на горных тропах
Любовь проверили свою,
Плечом к плечу в окопах.

Освободившись от оков,
В одном теперь мы стане.
Сто пятьдесят пройдет веков,
А дружба не увянет!

Сто пятьдесят!..
Наш путь лежал
Вдоль горного массива...
Россия и Азербайджан,
Азербайджан — Россия!

**Перевел с азербайджанского
Анисим Кронгауз.**

[1] Под псевдонимом «Сабухи» («Утренний») писал стихи М.-Ф. Ахундов.

Ия МЕСХИ

Комиссарская ВНУЧКА

БАКИНСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

Однажды я услышала оратора, которого объявили так:

— Директор Музея истории Азербайджана, доктор исторических наук, профессор Пюста-ханум Азизбекова.

И тотчас по длинному проходу застучала каблучками маленькая элегантная женщина. Она взошла (нет, скорее вспорхнула) на трибуну, показала всем свое молодое, улыбчивое лицо и принялась говорить так звонко, что уставший было зал навострил уши.

Речь шла о пропагандистах, о том, что фигура эта иногда выглядит серо и заштатно, что дело пропаганды — родное дело наших отцов — порой поручается людям, не чувствующим к этому никакого призвания. Случается и так, что порой мы просто не замечаем, не поднимаем этих людей, среди которых есть по-настоящему заслуженные, талантливые... Все как-то почувствовали: на трибуне стоял горячий, искренний, убежденный человек.

Знакомый бакинец сказал мне, что это внучка комиссара Мешади Азизбекова. И мне захотелось познакомиться с милым оратором.

Дом, в котором она живет, стоит на перекрестке, одной стороной — к морю, другой — на улицу Зевина.

Был вечер. За дверью стучали на пишущей машинке. Там работал муж Пюста-ханум, тоже доктор, других, технических наук.

Только мы расположились, раздался телефонный звонок.

— Умерла Надежда Николаевна. Утром надо лететь на похороны в Москву...

Кто такая Надежда Николаевна? Это Колесникова, старая большевичка, известный пропагандист. Долгие годы — сотрудник Центрального музея Ленина. А тут, в Баку,— первый народный комиссар просвещения в том самом 1918 году, когда расстреляли двадцать шесть.

Мы вышли на улицу Зевина, пересекли улицу Алеши Джапаридзе, направились по улице Фиолетова. Я еще не знала тогда, что улицы могут быть живыми друзьями, что с ними можно советоваться, что утром, когда выходишь из дому и по этой самой дороге бежишь на работу в свой музей, конечно, не думаешь о том, каким был Яков Зевин, как бы поступил в том или ином случае Алеша Джапаридзе, что бы сказал Иван Малыгин, на улице которого стоит музей...

И совсем по-другому все выглядит вечером, когда прохожих мало и рядом дышит теплый весенний Каспий. Совсем по-другому складываются тогда мысли. Они перестают быть суетными, маленькими, как бы приподнимаются над обыденным.

Случилось так, что именно эта приморская часть города, не очень броская и шумная, но очень бакинская часть, увековечила имена 26-ти.

Звонок раздался в доме на улице Зевина. Конечно, улица могла называться иначе. Но то, что Яков Зевин тоже был народным комиссаром в 1918 году, то, что, умирая в песках Закаспия, он думал (не мог не думать!) о своей Наде Колесниковой, о своем друге и жене, счастливо избежавшей этой участи, то, что имя Нади Колесниковой, которая пережила своего мужа на много лет, зазвучало в этот вечер на «его» улице,— все это придавало событиям какой-то особый смысл.

Мы оставили комнату, где всюду были разложены готовые к печати документы, которые должны составить сборник о дружбе азербайджанского и русского народов. Сборник выходит к празднованию 150-летия вхождения Азербайджана в Россию. К этому празднику, наверно, приехала бы в Баку и Надежда Николаевна. Конечно, она бы выступила перед бакинцами, вспомнила, как ее, учительницу с Красной Пресни, пролетариат Москвы послал к пролетариату Баку. Это было еще в 1907 году. Говорила бы и о том, как на ее глазах росли дети и внуки бакинских революционеров. Теперь об этом скажут сами они. Бакинцы поручают это внучке своего комиссара.

Все так скрестилось в этот вечер: живое и давно ушедшее, житейское, семейное и то, что принадлежит всем, деловое и личное, прошлое и задуманное.

МЕШАДИ

Мешади не знал своей внучки. Она родилась спустя одиннадцать лет после расстрела 26 бакинских комиссаров. Следовательно, в доме не было тех милых взаимных радостей, которые доставляют друг другу внучка и дед. Впрочем, в доме не было и бабушки. Но была прабабка Сальминаз. Сальминаз — необыкновенная женщина, с сильным характером, трезвым рассудком и отзывчивым сердцем — азербайджанская Ниловна. Никто не мог точно установить дату ее рождения. Она помнила события середины прошлого века. Мужа ее Азиза за революционные выступления сослали на каторгу в Сибирь, и он там скончался. Сальминаз сама вырастила своего единственного сына.

Сказок она не знала. Все слушали от нее только были о времени, о сыне и его друзьях. Она была ему матерью-другом и относилась к нему ревниво.

Ревниво относился к Мешади весь Баку. Мешади был уважаем потому, что в числе очень немногих незнатных мусульман, будучи к тому же сыном сосланного, сумел пробиться на учебу в Петербург. И когда он стал инженером, рабочие кварталы Баку выбрали его своим представителем в Государственную думу...

Можно было всю жизнь греться в отраженных лучах его светлого имени. Можно было быть внучкой Мешади и, между прочим, делать еще что-нибудь. И можно было стать самой собой, а значит, и внучкой, достойной Мешади.

В 19 лет Пюста-ханум уже была членом партии. Она училась на втором курсе исторического факультета, но так как знать и делать хотелось больше, она пошла работать в Ленинский музей. Здесь в то время читала лекции присланная из Центрального музея Надежда Николаевна Колесникова, та самая, которая в 1918 году открывала в Черном городе первый народный университет.

Теперь Пюста сидит в старинном чопорном кабинете, принадлежавшем бывшему миллионеру Тагиеву, и управляет большим хозяйством Музея истории Азербайджана. Мешади, конечно, бывал в этом кабинете. Он и сейчас приходит сюда.

Вот мелькнула его подпись в поздравительном адресе на имя Амины-ханум Бахадуршах — первой мусульманки, окончившей медицинский институт в Санкт-Петербурге. Высоко подняв светильник над головой, стоит женщина-азербайджанка и освещает нефтяные промыслы, заводы, улицы Баку. А рядом такие слова: «Вам первой выпал счастливый жребий доказать противникам женского образования среди мусульман, что и мусульманка наравне с другими народами способна на решение всяких культурных задач».

Вот еще один «визит» Мешади. Статья «Современные рабыни» в «Бакинских известиях» в 1905 году. Подпись под статьей: АЗ-ъ. Но мог ли большевик Азизбеков сотрудничать в этой явно буржуазной газете? Начинается глубокий рейд в ее историю. Он открывает интереснейшую страницу: всего на несколько месяцев, с февраля по май, руководство редакцией берут в свои руки литераторы-большевики.

— Есть все основания предполагать, что автором «Современных рабынь» является М. Азизбеков,— делают вывод исследователи вопроса П. Азизбекова и В. Самедов.

Можно только представить себе: если б и в самом деле Мешади пришел в этот дом, он увидел бы, как 70 «современных рабынь науки» (в музее 70 сотрудниц) стоят на страже истории его народа, и руководит ими первая в Азербайджане женщина — доктор исторических наук, его внучка!

ЛЕНИНСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ДНЕВНИК

Две книги П. Азизбековой появились в одном и том же, 1962 году. Одна — в издательстве Академии наук Азербайджана. Другая — в Академии наук СССР. Я держу их в руках и думаю: книга — это итог, черта, финиш. И кто знает, где человеку лучше — в беге, в усилиях и сомнениях или когда все это уже позади: дни и ночи, часы и годы поисков и находок, работы мысли.

Читаю:

«Мы просим Ильича в течение года совсем не работать, а если для него это трудно, то уделять работе не более получаса в день».

Это в год болезни Ленина. Но вот

он здоров, и рабочие Сураханских промыслов избирают его плотником строительного отдела, отрабатывая, разумеется, за него у станка. Как же они решают распорядиться «причитающимся ему по этой должности жалованьем»? 50 процентов — на усиление флота, а 50 — на помощь коммунистам-эмигрантам.

Старые газеты... Они воскрешают много забытых документов. Фотографию — подарок от команды канонерской лодки и посланную через Фотиеву благодарность Ильича. Письмо Ленину от сельской молодежи, увидевшей светлую жизнь, которую «ханы и беки сулили на том свете». Наконец, неизвестное доселе письмо самого Ильича, которое он написал делегаткам 1-го съезда трудящихся женщин Закавказья.

Это большая радость — среди множества телеграфных лент, направляемых в адрес: «Москва, т. Ленину»,— находить те, на которые ложились принятые из Баку слова о маленьких победах — о первых пудах нефти, посланных в Россию, о яблоках, отправленных москвичам.

«...Несмотря на то, что мы сейчас устали и голодны, мы отдадим все, что потребуется, для продолжения борьбы с буржуазией».

А телеграф в далекой Москве выстукивал:

«Трудностей в этом положении очень немало. Посылая вам свой горячий привет, прошу вас ближайшее время продержаться всячески. В. Ульянов (Ленин)».

Когда читаешь чистосердечные, полные взаимного доверия строки не одиннадцати, как считалось ранее, а двухсот писем Ленину от трудящихся Азербайджана, видишь, каким множеством нитей они были связаны с вождем.

Я листаю вторую книгу, вышедшую в Москве: «Ленин и социалистические преобразования в Азербайджане». В приложении к ней нахожу набранные петитом даты жизни и деятельности Ильича, взятые только в его связях с республикой. Здесь Ильич лицом к лицу с Азербайджаном в 1917 году, в 1918-м и до последних своих дней.

Вот маленький отрывок, относящийся к 1920 году:

«НОЯБРЬ, 8.— Ленину направлено сообщение об отправке из Баку маршрутного поезда из 35 цистерн с нефтью».

Сколько картин встает за одной этой фразой! Бакинские промыслы в 1920 году, только что очищенные от интервентов. Разруха на железных дорогах. Вся наша огромная, скованная голодом и холодом страна... Ленин читает сообщение. Доволен. Хорошо! Может быть, подсчитывает на листке, на сколько хватит этих 35? Скольких согреет?

Проходит всего два дня, и...

«НОЯБРЬ, 11.— Ленину направлена приветственная телеграмма от комсомольцев Агдашского района».

Славные комсомолята собрались на свою первую конференцию. Азербайджан — это не только Баку. Азербайджан — это и село, а значит, земледельцы, хлопкоробы. Надо и о них подумать!..

«НОЯБРЬ, 13.— Ленин по телеграфу запрашивает о ходе борьбы с бандами на Кавказе, об укреплении подходов к Баку».

Встревожен...

«НОЯБРЬ, 30.— Ленин в записке заместителю Наркома Продовольствия запрашивает о ходе снабжения Баку продовольствием».

И обо всем этом, оказывается, можно было думать, имея перед глазами огромную, еще не слаженную, еще грохочущую в битвах за Советскую власть страну. Неповторимый человек! Быть все время около него — это избрано ею на всю жизнь. Уже готовятся материалы еще одной, более обширной работы: «Ленин и Советский Восток». А там — исследования ленинских зарубежных восточных связей...

Я дождалась возвращения делегации бакинцев из Москвы, с похорон. Но, в общем, обо всем уже рассказали мне книги, музей и сам город с особым, только ему присущим обликом. «Комиссарские улицы» так и остались в памяти. Обыкновенные улицы. Ничем не примечательная заурядная городская суета. И ходит по этим улицам женщина без печати строгой учености на лице, без позы величия взятых на себя задач — просто умница женщина, с хорошим настроением и веселыми искорками в восточных глазах.

Товарищи М. Н. Тухачевский и Я. Б. Гамарник

НА ДОРОГАХ РЕВОЛЮЦИИ

С фотографии глядят внимательные глаза паренька в солдатской шинелишке и помятой фуражке с матерчатым козырьком. Ни борода, ни усы не могут скрыть молодости. Таким вот предстал он вместе со своими товарищами по I съезду КП(б)У летом 1918 года перед Владимиром Ильичем Лениным. Беседа длилась два часа, и вскоре после нее Ян Гамарник вновь пробирается в Одессу, которая кишит белогвардейцами, интервентами. Гамарник возглавляет там борьбу за Советскую власть.

Ян Борисович Гамарник... Молодое наше поколение мало знает об этом выдающемся революционере, герое гражданской войны, об одном из организаторов Советской власти на Украине, руководителе большевистского подполья, строителе Дальнего Востока, а в последние семь лет жизни — начальнике Политического управления Красной Армии и заместителе наркома обороны СССР, члене Центрального Комитета партии и Оргбюро ЦК.

Имя этого человека впитало в себя целую эпоху. На неизведанных и трудных дорогах

ЖЕЛАННЫЙ ГОСТЬ

Имя Марлен Дитрих не сходит с экранов вот уже четыре десятка лет. Она снималась в фильмах немецкого, американского, английского производства. У этой актрисы исключительная биография. В 20-х годах она выступала на сценах Берлина — в театральных спектаклях и эстрадных ревю, снималась в кино. Но мировая известность пришла к актрисе с выходом в свет фильма «Голубой ангел», снимавшегося по роману Генриха Манна.

Вскоре голливудская фирма «Парамаунт» предложила Дитрих контракт на съемку в американских кинокартинах. С головокружительной быстротой росла слава актрисы.

— Но меня тянуло домой,— рассказывает Дитрих.— Я родилась в Германии, актерскому мастерству училась в Берлине и решила во что бы то ни стало возвратиться к себе на родину...

Но в Германии произошел фашистский путч, у власти стали гитлеровские головорезы. И Марлен Дитрих без колебаний осталась в Америке. Она не желала жить в фашистской стране.

Гитлеровские заправилы всяческими посулами стремились вернуть в Германию кинозвезду. Но Марлен на все приглашения отвечала: нет. Однажды — это было четверть века назад — гостившей в Лондоне актрисе передали, что ее хочет видеть министр гитлеровской Германии Риббентроп. Это была еще одна из многих попыток привлечь мировую киноактрису на сторону фашизма. «Я не знаю такого,— сказала Марлен служащему отеля.— Пусть сначала поищет каких-нибудь общих знакомых, которые могли бы нас представить друг другу».

— Вот уже сколько лет прошло, но подобных знакомых так и не оказалось,— улыбаясь, рассказывает актриса.

Близкими друзьями Марлен Дитрих стали те, кто сражался против коричневой чумы. В годы второй мировой войны Марлен была в американской армии, выступала с концертами перед войсками союзников в Европе и Африке. Особенно тепло Дитрих вспоминает о своих встречах с воинами Советской Армии.

— Это было в Чехословакии, —говорит Марлен.— Выступать приходилось прямо на башнях танков. Прошло много времени, но я до сих пор не могу забыть радостных, улыбающихся лиц советских воинов, которые несли освобождение народам Европы.

Марлен поглядывает на часы — скоро нач-

ДОГНАТЬ ЛАРСЕНА

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер
специальный корреспондент
«Огонька»

Запомните правило Фиде: до 30-го хода вы не имеете права на ничью. Даже не думайте предлагать ее вашему противнику. Ничья на 29-м ходу—это два нуля в турнирной таблице.

Так звучит грозное предупреждение судейской коллегии, и поэтому в первом туре И. Билек — Л. Портиш, Д. Бронштейн — М. Таль, Б. Ивков — С. Глигорич, С. Решевский — П. Бенко «отработали» 30 ходов, точно как в аптеке, и только после этого подписали мировую.

Если эти шахматисты намерены были посвятить свои первые партии экс-чемпиону мира М. Эйве, который в тот день отмечал свое рождение, то его вряд ли бы обрадовал такой подарок. Тур оказался не очень выразительным. Зато В. Смыслов решил сразу брать быка за рога и заставил капитулировать О. Квинонеса. Перуанец даже не успел рокироваться и сложил оружие после 25-го хода. Увы, сразу же испытал горечь поражения и один из наших шахматистов: Б. Спасский проиграл К. Дарге.

М. Таль впервые выступает в Голландии, и

революции, гражданской войны, мирного строительства — всюду звучало оно боевым кличем, паролем. И вот двадцать лет это имя по произволу культа личности Сталина было предано забвению. И теперь мы свидетели того, как волей партии принимаются меры к тому, чтобы побольше людей узнало о Гамарнике.

Студент Петербургского психоневрологического института, затем Киевского университета, зарабатывающий себе на кусок хлеба домашними уроками, вступил на путь борьбы с царским режимом, белогвардейщиной, оккупантами, интервентами. На дошедших до нас фотографиях мы видим Яна Борисовича среди участников знаменитого южного похода, среди арсенальцев, на маневрах, на полигонах, где испытывается новое вооружение. Много снимков с Дальнего Востока. По путевке Центрального Комитета партии Ян Борисович сразу же после изгнания интервентов из Владивостока был направлен туда и в течение многих лет руководил освоением богатейшего края.

Целый вечер провел я среди родных Яна Борисовича Гамарника. Из крошечных деталей, отрывочных фраз, замечаний складывается представление и о том, каким был этот человек дома. Дочь, Виктория Яновна, например, уверяет, что не так уж много знает: ведь было-то ей в день выстрела, раздавшегося у них на квартире 31 мая 1937 года, всего тринадцать. И все-таки, когда сейчас, спустя более четверти века, спрашиваю, что помогло перенести горе, перенести муки, отвечает:

— Отец!

Не представляю, каким образом? Бывали вместе буквально считанные минуты. Домой Ян Борисович — заместитель наркома обороны СССР — возвращался глубокой ночью. ...Снимал в передней сапоги и в носках, чтоб никого не разбудить, шел к себе. Наутро пили чай, а там Вета (так звал ее отец) убегала в школу, несколькими минутами позже за отцом приходила машина. Один раз и Вета было села в нее. Отец удивленно спросил: «Что случилось, Вета?». «Опаздываю, папа, подвези, пожалуйста». «Нет»,— последовал ответ. «Но, пойми, я опаздываю, сделай исключение...». «Нет».

Значит, был он суровый, отец-то, строгий? Как бы не так! Кто с ней разучивал «Песнь о Гайавате»? Ведь и поныне помнит она некоторые строфы, впервые услышанные из уст отца. Эту книгу Ян Борисович любил, знал наизусть. А кто ходил с ней в букинистическую лавку, что напротив нынешней станции метро «Библиотека имени Ленина», выбирать подарок ко дню рождения? Купили тогда хорошее издание Шиллера. Кто во время отпуска увозил далеко в открытое море и заставлял прыгать с лодки? Так научил ее плавать. И еще была игра, отец ее сам выдумал,— «путешественники». Заключалась она в том, что по очереди называли станции, которые в конечном счете должны привести в большой город. Чаще всего задумывали дальневосточные города. А почему? Каждый год Ян Борисович бывал на Дальнем Востоке. Как знаток тех мест, руководил созданием Тихоокеанского флота, укреплением границ, закладкой новых городов, в том числе Комсомольска-на-Амуре.

Так было до 31 мая 1937 года. Вета за городом готовилась вместе с подружками к зачетам. Позвонила домой: «Как папа?» Уже третью неделю Ян Борисович болел, не вставал с постели. Мать ответила... Вете, однако, почудилось в ответе что-то нехорошее. Каждую ночь в доме, где они жили, арестовывали маршалов, командармов, армейских комиссаров — цвет Красной Армии, героев гражданской войны. Приехала домой, а отца нет в живых, застрелился.

Через день в газетах сообщение: «Гамарник — враг народа!».

Теперь, спустя более четверти века, Виктория Яновна еще и еще раз повторяет, что именно отец помог ей перенести все муки, все страдания. Часто вспоминала его слова: «Не люблю исключений»,— часто вспоминала, как, читая ей вслух «Песнь о Гайавате», говорил: «Вета, помни, хороших людей на свете больше, чем плохих».

Сравниваю все, что знал о Яне Гамарнике, с тем, что услышал в этот вечер от его родных. Вновь вглядываюсь в фотографию молодого революционера. Ведь и погиб-то он, в сущности, молодым — ему едва исполнилось сорок три года. Сегодня было бы семьдесят.

З. ХИРЕН

нется концерт. Наша беседа проходит за кулисами.

— Я и сегодня буду петь для них, для солдат. И для всех, кто оберегает мир,— тихо говорит Дитрих.— Идя сюда, в театр, я пригласила в зал матросов и солдат.

Как и москвичи, ленинградцы тепло встречают Марлен Дитрих, выступающую в концертах, в программе которых антивоенные и антифашистские песни из кинофильмов.

Киноактриса осталась неутомимой сторонницей борьбы за мир. Об этом свидетельствует ее участие в фильмах, хорошо известных советским людям: «Свидетель обвинения», а также «Нюрнбергский процесс».

— За свою жизнь мне пришлось сыграть очень много ролей, но та, что в фильме «Нюрнбергский процесс»,— любимая.

Дитрих полна больших творческих замыслов: концерты в Москве, Ленинграде, а потом гастроли в Гётеборге.

— Но я еще приеду в Советский Союз и на более длительный срок. Мне очень здесь нравится.

Киноактриса пробует свои силы и в литературе, она пишет сейчас книгу «А теперь скажи мне...». Так начинается старинная негритянская песня: «А теперь скажи мне, почему бывают войны...» Дитрих рассказывает в этой книге о двух мировых войнах, в первой она потеряла своего отца, во второй сама была солдатом. Свою книгу Марлен посвящает детям.

К. ЧЕРЕВКОВ

Марлен Дитрих в Москве, в гостях у друзей.
Фото Я. Берлинера АПН.

САКЕН СЕЙФУЛЛИН

Чем дальше мы отходим от первых лет грозового Октября и с дистанции времени вглядываемся в те романтические годы, тем более колоритным и привлекательным представляется нам облик поэта-революционера Сакена Сейфуллина. Крупнейший политический и общественный деятель, один из основателей Казахской Автономной Советской республики, Сакен Сейфуллин представляет собой исключительное по своей значимости явление и в истории многонациональной советской культуры.

Казах по национальности, окончивший русскую начальную школу в городе Акмолинске (ныне Целиноград), а затем Омскую учительскую семинарию, Сакен Сейфуллин соединил в чудесном сплаве богатые традиции казахского народного творчества и идейно-эстетические воззрения русских революционных писателей. «Мы, казахская молодежь,— писал он,— учились у великих русских писателей... Путь Горького был идеалом для всех нас».

Первый певец Октябрьской революции из казахов, певец социалистических преобразований в казахской степи, Сакен Сейфуллин был летописцем горькой жизни своего родного народа до революции, его счастливой жизни при Советской власти. Пьеса С. Сейфуллина «Красные соколы» (1920 г.), поэмы «Советстан» (1925 г.), «Кокчетау» (1929 г.), «Альбатрос» (1932 г.) открыли новые страницы в истории развития казахской литературы.

Из прозаических произведений Сакена Сейфуллина особое место занимает мемуарный роман «Трудный путь, тяжелый переход». Это художественная история того, как трудовая часть казахского народа стремилась к свободе до Октябрьской революции и как она достигла ее под руководством Коммунистической партии, ее вождя Ленина, с помощью великого русского народа. Как историко-художественный документ, это произведение Сакена Сейфуллина не имеет равного в казахской литературе.

С 1917 по 1937 год Сакен Сейфуллин был одним из самых крупных деятелей политической и культурной жизни Казахстана: председателем Совнаркома Казахской АССР, редактором издательства и журнала «Литературный фронт», преподавателем в ряде высших учебных заведений, создателем первого учебника казахской литературы.

Выступая в Алма-Ате на торжественном заседании, посвященном 40-летию республики и Коммунистической партии Казахстана, товарищ Н. С. Хрущев назвал С. Сейфуллина в числе «испытанных вожаков масс», выдвинувшихся «в ходе героической борьбы трудящихся Казахстана за Советскую власть...»

Сакен Сейфуллин трагически погиб в 1939 году, став жертвой периода культа личности.

На днях общественность Казахстана торжественно отметила 70-летие со дня рождения основоположника казахской советской литературы Сакена Сейфуллина.

Е. ИСМАИЛОВ

ему, естественно, хочется показаться во всем блеске. Надо сказать, что шахматная Голландия еще долго не сможет опомниться после его партии с Л. Портишем. Уже несколько лет ни Голландия, ни шахматный мир не видели такой игры. Таль пожертвовал почти весь комплект своих фигур. Впечатление было такое, что если бы он мог, то пожертвовал бы и короля.

Игра Михаила Таля в этой партии не выдерживает строгой критики, но эффектна она была настолько, что вся мировая шахматная печать долго еще будет к ней возвращаться. А результат? Если бы Таль проиграл, ему бы не избежать эпитета «шахматный авантюрист». Но поскольку он сделал почти «бессмертную ничью», то Амстердам заявляет: «Да, Таль хоть и фокусник, но гений».

Непревзойденный А. Алехин верил в число 26. В Цюрихе в 1934 году Э. Ласкер сдался Алехину на 26-м ходу, и великий русский шахматист был невероятно счастлив, что именно на 26-м ходу. В. Смыслов, кажется, неравнодушен к числу 25, так как вслед за О. Квинонесом на 25-м ходу ему сдался и К. Дарга.

Вот и появились первые лидеры — В. Смыслов и Б. Ларсен. Датский гроссмейстер недавно закончил военную службу, и в шахматном мире он явно претендует на чин больший, чем сержантский.

Когда партия Л. Штейн — Д. Бронштейн закончилась поражением львовского гроссмейстера, С. Решевский удивился: «А я думал, что советские гроссмейстеры сыграют все партии вничью». Наши ему ответили: «А вы, Сэми, меньше думайте!»

Относительно третьего тура можно было бы ограничиться одной фразой: в Амстердаме без перемен. Восемь ничьих из двенадцати сыгранных партий. Зато весьма результативным оказался четвертый тур. Б. Ларсен в отличном стиле победил Х. Пората. «Надо спешить, надо набирать побольше очков, ведь меня на финише ожидает советская пятерка»,— заявил датский гроссмейстер. Да, недаром пять рядов в турнирной таблице от двенадцатого до шестнадцатого, в которых расположены советские гроссмейстеры, здесь называют «мельницей».

Кто из соперников советских шахматистов, кроме Ларсена, имеет шансы попасть в шестерку? По общему мнению, прежде всего Л. Портиш. Его шансы значительно повысились после победы над Л. Штейном. Неплохие результаты на старте показывает Л. Эванс. После своей победы над И. Билеком американец заявил, иронически улыбаясь: «Надо стараться, я ведь заменяю самого Фишера».

В Амстердам к пятому туру прибыли советские туристы. На шахматном турнире никак нельзя воспользоваться популярным «шайбу, шайбу!» Тут приходится «болеть» в абсолютной тишине. Еще до появления наших туристов в зале Б. Ларсен красиво и изящно разгромил Ф. Переса. Датский гроссмейстер оторвался на одно очко. На этом и закончилась первая шахматная неделя, во время которой наши гроссмейстеры в основном сражались друг с другом. Теперь они начинают наступление под девизом: «Догнать Ларсена».

Амстердам, по телефону.

М Ы Э Т О

М. АЛЕКСАНДРОВ
Фото А. БОЧИНИНА.

Авторы трех голов — Валерий Воронин и Виктор Понедельник.

Ну, конечно, мы этого ждали. Задолго до матча накапливалось то напряжение, которое затем пришло на стадион и гудело, как ток в сотни тысяч вольт. Этому напряжению должен был наступить выход, разрядка. Казалось, что первые минуты матча затянулись невероятно долго. Уж не раз и не два готов был взорваться стадион ликующими криками, уж не раз чья-то звонкая труба пела сигнал призыва, а воздушные шарики, заменившие голубей,— алые, белые, золотистые — в величайшем нетерпении дрожали, будто недоумевая, когда же их выпустят к вечереющему небу мальчишеские руки.

Шла борьба равных. Упрямо отвоевывали друг у друга каждый сантиметр пространства, каждое мгновение времени большие мастера современного динамичного и расчетливого футбола. Давно не видали мы такого матча!

И прошло уже полчаса. Неужели не будет перевеса? Напряжение росло. И вдруг оно нашло свой выход! Юркий, маленький, сосредоточенный Галимзян Хусаинов сумел в какую-то неуловимую долю секунды, победив в единоборстве, послать мяч туда, в центр, к воротам. И сюда, именно в эту самую опасную точку, ринулся Виктор Понедельник. Удар его был великолепен! Он как бы завершил то, чего все ждали, что не могло не произойти.

Первый гол — и это бесспорно — совершил резкий поворот в ходе труднейшей встречи. Потом пришел второй успех. Сильнейшим ударом, с мастерской подкруткой, издалека послал мяч в ворота соперников тот же Виктор Понедельник.

Вездесущий, настойчивый Курт Хамрин, как ни опекал его Владимир Глотов, сумел все же изменить счет — 2:1, однако точку поставил лучший полузащитник Европы Валерий Воронин — 3:1!

Было заметно, как наши соперники устали. Им трудно досталась ничья в Стокгольме, слишком трудно.

Сборная команда Советского Союза вышла в полуфинал. Это еще не победа в споре о Кубке Европы, но славный шаг к ней...

После матча мы побывали в раздевалке у наших футболистов. В бассейне плескались, смеясь, герои матча. В комнате слышалась шведская речь: это корреспонденты стокгольмских газет брали интервью у Константина Бескова. «Хороший был матч,— слышались его слова,— но еще не лучший, я думаю...» Тесно было у шезлонга, на котором сидел Лев Яшин, собирая свои футбольные заслуженные доспехи в чемоданчик.

Мы подошли к Виктору Понедельнику.

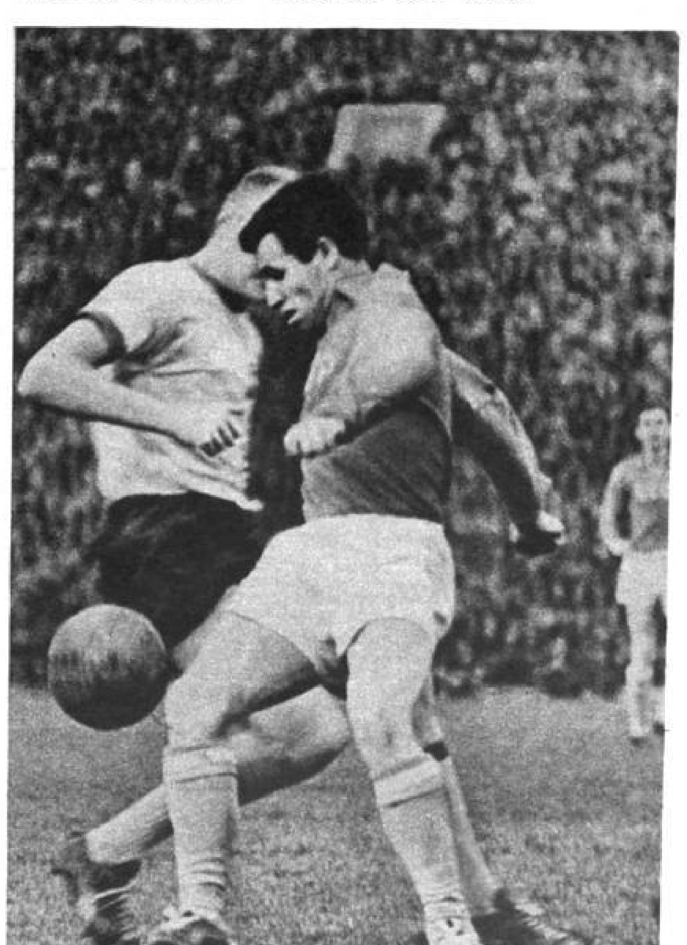
— Два гола? Полтора, лучше сказать,— говорит он нам, как бы присматриваясь к тому, что произошло только что на поле,— половина первого гола — это Хусаинова. Какой гол мне больше запомнился? Первый, пожалуй. Он был, так сказать, психологический. Я успел заметить, как волновался их вратарь, как он не знал, броситься ли мне навстречу или ждать... Я опередил его, ударил чуть раньше, чем он «собрался»... Второй гол — удача. Очень было далеко. Но так удалось подрезать мяч, что он в самом конце полета вильнул в сторону от вратаря...

Да, это был классный, боевой, красивый футбол. Мы ждали его. И будем теперь ждать снова, терпеливо или нетерпеливо, но с твердой уверенностью, что дождемся успеха.

Лев Яшин получил почетный приз журнала «Франс футбол» «Золотой мяч».

Галимзян Хусаинов — «соавтор» всех голов.

Победа!

Последнюю точку поставил лучший полузащитник Европы Валерий Воронин. Счет — 3:1.

Г О Ж Д А Л И

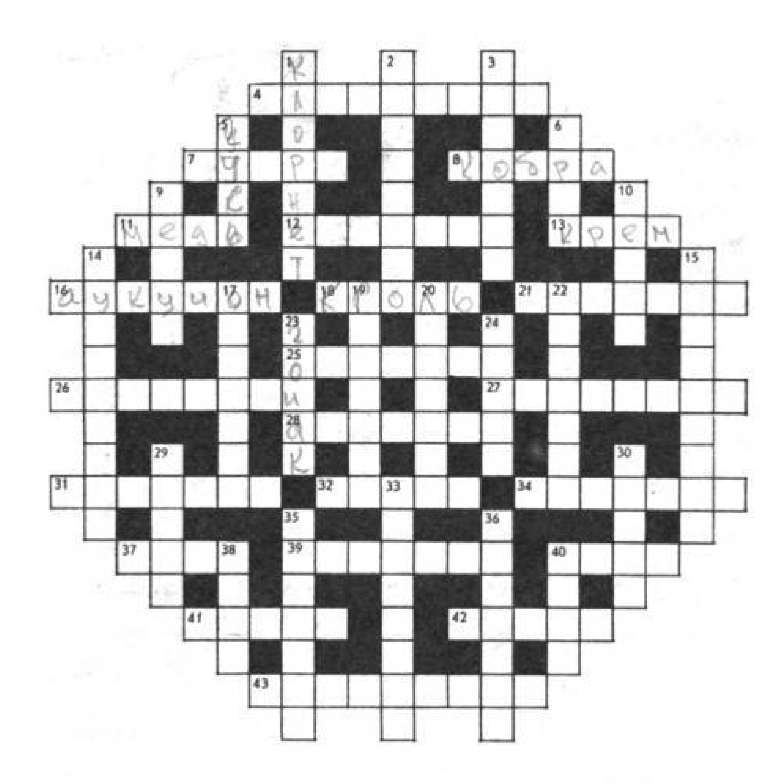

Судья матча А. Холланд.

Не грусти, Курт Хамрин!

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Актер и режиссер, ученик К. С. Станиславского. 7. Стержень для соединения деталей. 8. Очковая змея. 11. Химический элемент. 12. Круглое сооружение с куполом. 13. Специальная краска для лица. 16. Ежегодный торг. 18. Стиль плавания. 21. Древнегреческий драматург. 25. Растения, выращиваемые для пересадки. 26. Стихотворение Н. А. Некрасова. 27. Город в БССР. 28. Название первой печатной книги в России. 31. Автор комедии «Школа злословия». 32. Принадлежность карнавального костюма. 34. Поэтический жанр. 37. Пьеса В. Маяковского. 39. Оценка знаний учащихся. 40. Ткань с ворсом. 41. Элементарная частица. 42. Место хранения старых документов. 43. Вид театрального представления.

По вертикали:

1. Духовой музыкальный инструмент. 2. Незамкнутая кривая. 3. Поток воды, падающий с высоты. 5. Водоплавающая птица. 6. Двухмачтовое парусное судно. 9. Нотный знак. 10. Видоискатель. 14. Курорт в предгорьях Карпат. 15. Наука о законах развития природы, общества и мышления. 17. Жилое помещение. 19. Амортизатор автомобиля. 20. Балет А. И. Хачатуряна. 22. Жвачное животное. 23. Гуцульский танец. 24. Французский писатель XVI века. 29. Количество экземпляров печатного издания. 30. Бег лошади. 33. Сигнальный фонарь. 35. Река в США. 36. Тесьма с кисточками. 38. Спутник Сатурна. 40. Награда в соревновании.

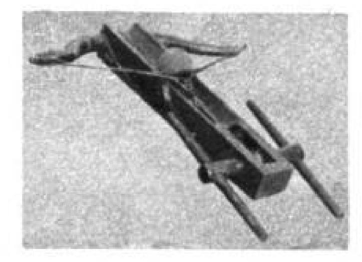
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

5. Светозар. 7. Березань. 8. Отара. 9. Веранда. 11. Углевод. 12. Налим. 13. Колас. 15. Исток. 17. Шампиньон. 18. Баскетбол. 21. Динар. 23. Калан. 25. Осина. 27. Волопас. 28. Вавилов. 29. Осока. 30. Колосник. 31. «Здоровье».

По вертикали:

1. Сеттер. 2. Поплавок. 3. Фельетон. 4. Мартос. 6. Романс. 7. Батуми. 10. Планиметрия. 14. Атакама. 16. Слобода. 19. Живопись. 20. Канистра. 22. Росток. 23. «Кавказ». 24. Гоголь. 26. Косьва.

КАМНЕМЕТНОЕ ОРУДИЕ

В древности, когда на Руси еще не было пороховой пушки, наши предки стреляли из «порока». Так называли деревянную метательную машину, которую заряжали тесаными каменными ядрами. О размерах таких ядер свидетельствуют образцы, найденные археологами, и упоминания о «пороках» в Никоновской летописи. В ней, в частности, говорится, что каждое ядро могли поднять лишь «четыре сильных мужа».

Из разных старинных документов наука знала лишь об устройстве камнеметных машин у греков, римлян и китайцев. Конструкция же русских «пороков», способных с дальнего расстояния проламывать стены крепостей, была неизвестна.

Используя средневековые миниатюры XVI века, хранящиеся в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, и сведения летописцев, научные сотрудники Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск с помощью художников воссоздали в миниатюре облик древней русской камнеметной машины — «порока».

В. КРИВОШЕИН

ПИНГВИН НА РОЛИКАХ

Посетителей пляжа на Калифорнийском побережье развлекает пингвин, катающийся на роликах. Он занимается этим видом спорта с большим увлечением.

На первой странице обложки: Маленькая школьница-бакинка Севда Вагиф-кызы Асланова.

На последней странице обложки (сверху вниз):
1. Танец «Привет Баку» исполняют юные участники ансамбля песни и танца бакинского Дворца пионеров имени Ю. Гагарина.
2. Панорама ночного Баку.
3. На транспортере цеха вулканизации Бакинского шинного завода имени 40-летия Азербайджана.

Фото Л. Бородулина.

У ПОЛЬСКИХ ДРУЗЕЙ

Александр ЖИТОМИРСКИЙ

Когда по радио я слышу позывные Варшавы — музыкальную фразу Шопена,— я тепло вспоминаю вас, мои польские друзья.

Навсегда в память врезалась трагическая фотография варшавского гетто, что висит в музее. Дым и огонь, горят дома. По мостовой с поднятыми гордо головами идут старики, женщины, дети. Слева и справа фашисты с автоматами. Людей ведут на расстрел. Фашисты уничтожали людей, уничтожали дома...

Восемь лет назад в Варшаве я видел еще руины.

Сегодня Варшава — прекрасный современный город. Широкие проспекты, новые здания. Они построены с отменным польским вкусом. Дома, устремленные вверх, и дома, распластанные по горизонтали. Металл и стекло. Лаконичность и рациональность. Смещенные плоскости этажей. Ритмичные и легкие конструкции.

Целые архитектурные ансамбли решены словно одним дыханием. Удобные квартиры, гостиницы, кафе. В них люди с удовольствием работают, живут, отдыхают. Польские архитекторы отлично справились с большой задачей. Непросто было построить, по существу, новую столицу социалистической Польши.

В дни моего приезда в Польшу погода стояла холодная. И хотя мерзли руки, все хотелось нарисовать новые дома, мальчишек, с которыми я всегда дружу, Старе Място — прекрасный памятник средневековья, разрушенный войной и любовно и точно восстановленный.

Мы были в маленьком старом городке Плоцке. В его сонную тишину ворвался могучий ритм труда. Рядом с городом строится колоссальное предприятие — нефтеперерабатывающий комбинат, на базе нефтепровода «Дружба». Здесь работают сильные, хорошие парни. Я сделал несколько рисунков. Пока я рисовал, шутки сыпались со всех сторон.

Долгие вечера мы проводили у наших друзей — художников, журналистов, писателей. Бесконечные разговоры о литературе и искусстве всегда были сдобрены большой порцией юмора.

Я рисовал средневековье Кракова и современные улицы Варшавы, мощный гигант металлургии — Новую Гуту, мягкий красивый пейзаж по пути в Закопане и серые скалы в Татрах.

Я видел, как работают поляки и как весело они отдыхают.

Крестьянин из деревни Лещин Шляхецкий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00682. Подписано к печати 28/V 1964 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 2 045 000. Изд. № 945. Заказ № 1357

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Сварщик нефтепровода «Дружба» Мариян Пшимковский.

У подъезда новой гостиницы.

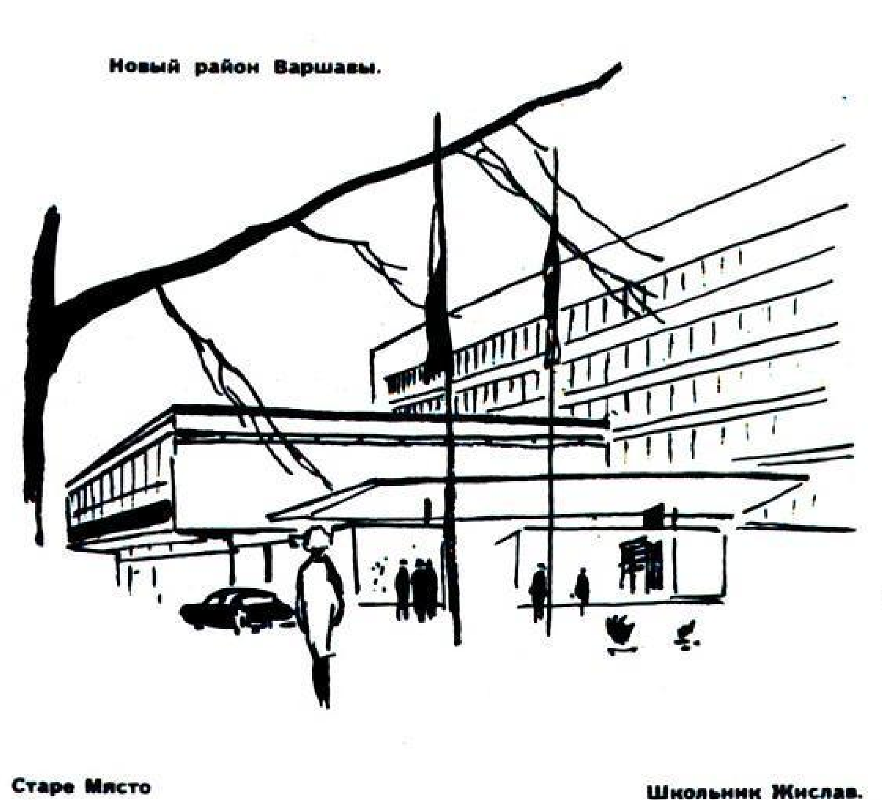
Юзеф Казимирчик, будущий железнодорожник.

Варшавская трасса В-3.

Проводник в Татрах.

Новый район Варшавы.

Старе Място

Школьник Жислав.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

